

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Жан-Поль Сартр

Грязными руками

Пьеса в семи картинах

Посвящается Долорес.

У Ольги.

Первый этаж небольшого домика на обочине проезжен дороги. Справа входная дверь и окно с закрытыми ставнями. В глубине, на комод, телефон. Слева, в отдалении, дверь. Стол, стулья. Мебель разнородная и дешевая. Чувствуется, что человек, живущий здесь, совершенно равнодушен к обстановке. Слева, рядом с дверью, камин, над камином зеркало. Время от времени по дороге проходят машины. Слышны гудки.

СЦЕНА I

Ольга, затем Уго.

Ольга, одна, сидит перед радиоприемником и крутит ручки. Слышен шум, затем довольно отчетливый голос.

Диктор. Германские войска отступают по всей линии фронта. Советские войска заняли населенный пункт Кишнар в сорока километрах от иллирийской границы. Иллирийские войска по возможности избегают вступать в бой; многочисленные перебежчики перешли на сторону союзников. Иллирийцы! Нам стало известно, что вас принудили поднять оружие против СССР, мы знаем, насколько глубоки демократические традиции иллирийского народа и мы...

Ольга поворачивает ручку, голос умолкает. Ольга замирает, смотрит в одну точку. Через некоторое время раздается стук в дверь. Она вздрагивает. Стук повторяется. Она медленно идет к двери. Стучат снова.

Ольга. Кто там?

Голос Уго. Это Уго.

Ольга. Кто-кто?

Голос Уго. Уго Барин.

Ольга вздрагивает и замирает перед дверью.

Ты что, не узнала мой голос? Отвори. Открой мне.

Ольга быстро идет к комоду, вынимает левой рукой какой-то предмет из ящика, прикрывает левую руку салфеткой, идет к двери, стремительно открывает ее и быстро отстраняется во избежание неожиданностей. На пороге стоит рослый двадцатитрехлетний парень.

Уго. Это я.

Молча смотрят друг на друга.

Удивлена?

Ольга. Я удивлена твоим видом.

Уго. Да, я изменился. (Молчит.) Ты меня разглядела? Узнала? Ни с кем не спутала? (Показывая на револьвер, прикрытый салфеткой.) Тогда убери это.

Ольга(не положив револьвера). Я думала, тебе дали пять лет.

Уго. Вот именно, мне дали пять лет.

Ольга. Заходи и закрой дверь.

Отступает на шаг. Револьвер не то чтобы направлен на Уго, но повернут в его сторону. Уго с любопытством глядит на револьвер, не спеша поворачивается к Ольге спиной и закрывает дверь.

Ты что, сбежал?

Уго. Сбежал? Я еще не спятил. Им пришлось меня вытолкать вназад. (Молчит.) Меня освободили за примерное поведение.

Ольга. Есть хочешь?

Уго. А тебе только этого и надо, правда?

Ольга. Почему?

Уго. Давать так удобно – это удерживает человека на расстоянии. И потом жующий человек выглядит безобидно. (Молчит.) Извини, я не хочу ни есть, ни пить.

Ольга. Мог бы просто отказаться.

Уго. Ты забыла, я ведь всегда был болтуном.

Ольга. Припоминаю.

Уго(осматриваясь). Как здесь пусто! Хотя все на месте. А где моя пишущая машинка?

Ольга. Продана.

Уго. Правда? (Молчит. Осматривает комнату.) Пусто здесь.

Ольга. Как это пусто?

Уго(делает неопределенный жест). Да так! Кажется, что вся эта мебель стоит посреди пустыни. Там, когда я раскидывал руки, то касался двух противоположных стен. Иди сюда. (Она не двигается.) Правду говорят – за пределами тюрьмы места не берегут. Сколько потерянной площади! Как странно оказаться на свободе, даже голова кружится. Мне придется привыкнуть говорить с людьми, не касаясь их.

Ольга. Когда тебя выпустили?

Уго. Только что.

Ольга. Ты пришел прямо сюда?

Уго. А куда мне было идти?

Ольга. Ты с кем-нибудь разговаривал?

Уго(смотрит на нее и смеется). Нет, Ольга, нет. Успокойся. Ни с кем я не разговаривал.

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosofff.org
Ольга(менее напряженно, смотря на него). Тебя не обрили.

Уго. Нет.

Ольга. Но чуб отрезали.

Молчат.

Уго. Ты рада меня видеть?

Ольга. Не знаю.

По дороге едет машина. Гудок, шум мотора. Уго вздрагивает. Машина проезжает. Ольга спокойно за ним наблюдает.

Если тебя и правда выпустили, тебе нечего бояться.

Уго(с иронией). Ты так думаешь? (Пожимает плечами. Пауза.) Как дела у Луи?

Ольга. Все в порядке.

Уго. А у лорана?

Ольга. Он... ему не повезло.

Уго. Я так и думал. Не знаю почему, но я давно уже думал о нем как о мертвом. Должно быть, у вас тут многое переменялось.

Ольга. Все стало сложнее с тех пор, как пришли немцы.

Уго(безразлично). Да, они ведь здесь.

Ольга. Вот уже три месяца здесь стоят пять дивизий. Предполагалось, что они направятся в Венгрию через нашу территорию. Но они остались.

Уго. Ага. (С интересом.) У вас много новеньких?

Ольга. Много.

Уго. Молодые?

Ольга. Молодежи немало. Теперь отбор проводится несколько по- другому. Нужно заполнять пустые места, и мы стали менее придирчивы.

Уго. Конечно, вам приходится приспосабливаться. (С некоторым беспокойством.) Но главная линия осталась та же, что и была?

Ольга(смущенно). Да как тебе сказать... в общем и целом, пожалуй, осталась...

Уго. Дело в том, что вы продолжали жить. Находясь в тюрьме, не так-то просто поверить в то, что другие живут. У тебя кто-нибудь есть?

Ольга. Бывает иногда. (Жест Уго.) Сейчас нет.

Уго. Вы обо мне говорили хоть когда-нибудь?

Ольга(неумело лжет). Случалось.

Уго. Они приезжали ночью на велосипедах, как в мои времена, сидели за стол, Луи набивал трубку и кто-то говорил: «В такую вот ночь малыш предложил взять на себя деликатное задание».

Ольга. Все было так или почти так.

Уго. И вы говорили: «Он неплохо справился – и дело сделал, и никого не подвел».

Ольга. Да, да, да.

Уго. Иногда я просыпался от шума дождя и думал: у них будет вода, – и, прежде чем опять заснуть, повторял про себя: может быть, сегодня ночью они будут говорить обо мне. Мое главное преимущество перед мертвецами было именно в том, что я имел возможность думать, думать, что вы помните обо мне. (Ольга невольным и неловким жестом берет его за руку. Смотрят друг на друга. Ольга выпускает его руку. Уго выпрямляется.) В один прекрасный день вы решили: ему осталось три года, а когда он выйдет на свободу (меняет тон, не спуская глаз с Ольги), когда он выйдет на свободу, мы его в награду прикончим как собаку.

Ольга(отшатнувшись). Ты с ума сошел?

Уго. Давай, Ольга, смелее! (Пауза.) Это тебе было поручено послать мне шоколадные конфеты?

Ольга. Какие конфеты?

Уго. Ну что же ты!

Ольга(настойчиво). Какие конфеты?

Уго. Шоколадные конфеты с ликером в розовой коробке. В течение шести месяцев мне регулярно приносили передачи от какого-то Дреха. Поскольку у меня нет знакомых с такой фамилией, я понял, что посылки от вас, и обрадовался. Затем передачи прекратились и я сказал себе: они меня забыли. Три месяца тому назад я опять получил посылку от того же отправителя. Прислали шоколадные конфеты и сигареты. Я выкурил сигареты, а мой сокамерник съел конфеты. Бедняге было очень плохо, хуже некуда. Тогда я подумал: они меня не забыли.

Ольга. А потом?

Уго. Это все.

Ольга. У Хёдерера были друзья, которые, вероятно, тебя недолюбливают.

Уго. Они бы не стали ждать два года. Нет, Ольга, я много думал об этой истории и пришел к выводу, что партия вначале решила, будто меня еще можно использовать, а затем переменяла мнение.

Ольга(мягче). Сколько ты наболтал, Уго. Ты мелешь без остановки, чтобы чувствовать себя живым.

Уго. Тебя никто не заставлял этого говорить. Я, значит, много болтаю, слишком много знаю и вы никогда мне не доверяли. Других объяснений не требуется. (Пауза.) Знаешь, я на вас не сержусь. Вся эта история несладко началась.

Ольга. Уго, посмотри на меня. Ты думаешь, что говоришь? (Смотрит на него.) Да, серьезно. (Резко.) Зачем же ты пришел ко мне? Почему? Для чего?

Уго. Потому что ты не сможешь в меня выстрелить. (Смотрит на револьвер в ее руках, улыбается.) По крайней мере, мне так кажется.

Ольга с досадой кидает на стол завернутый в салфетку револьвер.

Вот видишь.

Ольга. Послушай, Уго: я не верю ни одному слову из того, что ты наболтал, и я не получала никаких распоряжений насчет тебя. Но если когда-нибудь получу, то знай, я сделаю то, что мне прикажут. И если кто-нибудь из товарищей по партии спросит меня, я скажу, что ты здесь, даже если потом тебя убьют на моих глазах. У тебя деньги есть?

Уго. Нет.

Ольга. Я дам тебе денег и уходи.

Уго. Куда мне идти? Слоняться по портовым улочкам или по докам? Вода холодная, Ольга. Тут, по крайней мере, светло и тепло. Приятней покончить счеты с жизнью именно здесь.

Ольга. Уго, я сделаю, что прикажет мне партия. Клянусь, я сделаю то, что она прикажет.

Уго. Ты же видишь, я прав.

Ольга. Уходи.

Уго. Нет. (Передразнивает ее.) «Я сделаю то, что прикажет мне партия». Тебе еще предстоит неожиданности. Сколько ни старайся, делаешь все равно не то, что приказывает партия. «Пойдешь к Хёдереру ипустишь ему три пули в живот». Простой приказ, верно? Но ведь не в приказе дело. Начиная с определенного момента, приказ остается в стороне. Приказ был где-то позади, а я шел вперед один и убил я в одиночку и... не знаю даже почему. Мне бы хотелось, чтобы партия тебе приказала выстрелить в меня. Хотелось бы посмотреть. Просто посмотреть.

Ольга. Посмотришь. (Пауза.) Что ты собираешься делать?

Уго. Не знаю. Еще не думал. Когда отворилась дверь тюрьмы, я решил прийти сюда и пришел.

Ольга. А где Жессика?

Уго. У своего отца. В первое время она мне писала. Кажется, она больше не носит мою фамилию.

Ольга. А где мне тебя поселить? Товарищи приходят каждый день, когда им вздумается.

Уго. В твою комнату они тоже заходят?

Ольга. Нет.

Уго. А я заходил. Диван был покрыт красным стеганым одеялом, стены оклеены обоями с желтыми и зелеными ромбами, а на стене висели две фотографии, одна из них моя.

Ольга. Ты опись составляешь?

Уго. Нет, вспоминаю. Я часто об этом думал, особенно о второй фотографии; никак не вспомню, кто на ней.

По дороге идет машина, он вздрагивает. Оба молчат. Машина останавливается. Хлопает дверца. Стук в дверь.

Ольга. Кто там?

Голос Шарля. Это Шарль.

Уго(тихо). Кто такой Шарль?

Ольга(так же). Один из наших.

Уго(смотрит на нее). Понял.

Через мгновение Шарль опять стучит.

Ольга. Чего ты ждешь? Иди ко мне в комнату, освежи в памяти обстановку.

Уго выходит. Ольга открывает дверь.

СЦЕНА II

Ольга, Шарль и Франц.

Шарль. Где он?

Ольга. Кто?

Шарль. Тот тип. Мы идем за ним от тюряги. (Недолгая пауза.) Его здесь нет?

Ольга. Он здесь.

Шарль. Где?

Ольга. Там. (Показывает на свою комнату.)

Шарль. Хорошо.

Делает знак францу идти за ним, засовывает руку в карман пиджака и делает шаг вперед. Ольга преграждает ему дорогу.

Ольга. Нет.

Шарль. Мы тебя не задержим, Ольга. Хочешь, погуляй по дороге. Когда вернешься, здесь никого не будет и следов не останется. (Указывая на франца.) Паренек все приберет.

Ольга. Нет.

Шарль. Не мешай мне дело делать, Ольга.

Ольга. Тебя Луи прислал?

Шарль. Он самый.

Ольга. Где он?

Шарль. В машине сидит.

Ольга. Сходи за ним. (Шарль колеблется.) Давай! Говорю тебе, сходи за ним.

По знаку Шарля Франц уходит. Ольга и Шарль молча стоят друг перед другом. Ольга, не отводя от Шарля глаз, берет со стола завернутый в салфетку револьвер.

СЦЕНА III

Ольга, Шарль, Франц, Луи.

Луи. Что с тобой? Почему ты не даешь им делать дело?

Ольга. Вы торопитесь.

Луи. Торопимся?

Ольга. Пускай они уйдут.

Луи. Ждите меня на улице. Придете, если позову. (Они уходят.) Так в чем дело? Что ты хотела сказать?

Пауза.

Ольга(мягко). Луи, он работал на нас.

Луи. Ольга, не будь ребенком. Этот тип опасен. Он не должен заговорить.

Ольга. Он не заговорит.

Луи. Это он-то? Да такого болтуна...

Ольга. Он не заговорит.

Луи. Интересно, с чего ты это взяла? У тебя всегда была к нему слабость.

Ольга. А ты всегда был настроен против него. (Пауза.) Луи, я позвала тебя не для того, чтобы говорить о наших слабостях; я стою на страже партийных интересов. С тех пор как пришли немцы, мы потеряли немало людей. Мы не можем себе позволить убрать этого парня, даже не попробовав его использовать.

Луи. Как его используешь? Да это же мелкий расхлябанный анархист, буржуйский интеллигент, который только о себе и думал, работал, когда в голову взбредет, и пренебрегал делами из-за пустяков.

Ольга. Но этот парень в двадцать лет убрал Хёдерера, окруженного охранниками, и ему удалось представить политическое убийство убийством из ревности.

Луи. А было ли это убийство по политическим мотивам? В той темной истории до сих пор не все ясно.

Ольга. Правильно, пришло время разобраться.

Луи. История эта дурно пахнет, не хочу в нее лезть. К тому же у нас времени нет, чтобы устраивать ему переэкзаменовку.

Ольга. У меня время есть. (Жест Луи.) Луи, боюсь, что в этом деле ты слишком даешь волю чувствам.

Луи. Ольга, боюсь, что ты тоже.

Ольга. Ты что, видел когда-нибудь, чтобы я уступала чувствам? Я не прошу во что бы то ни стало сохранить ему жизнь. Плевать мне на его жизнь. Я только хочу, чтобы до того, как его убрать, мы решили, не может ли партия еще его использовать.

Луи. Партия не может больше прибегать к его услугам. Поздно. Ты же знаешь.

Ольга. Он работал под чужим именем, и его никто не знал, кроме погибшего Лорана и Дресдена, который на фронте. Ты боишься, что он заговорит. Если окружить его верными людьми, он будет молчать. Ты говоришь, он интеллектуал и анархист? Это верно, но он отчаялся. Если направить его по верному пути, он сможет выполнять любую тяжелую работу.

Луи. Что же ты предлагаешь?

Ольга. Который час?

Луи. Девять.

Ольга. Приезжайте в полночь. Я объясню, почему он стрелял в Хёдерера и что он сейчас из себя представляет. Если я решу, что он может работать с нами, я скажу это вам, не открывая двери, он спокойно выспится, а утром вы дадите ему инструкции.

Луи. А если он неизлечим?

Ольга. Тогда я вас впусти.

Луи. Рисуем из-за чепухи.

Ольга. Какой здесь риск? Возле дома есть наши люди?

Луи. Есть, четверо.

Ольга. Пусть они дежурят до полуночи. (Луи не уходит.) Луи, он работал на нас. Надо дать ему шанс.

Луи. Хорошо. Встречаемся в полночь. (Уходит.)

СЦЕНА IV

Ольга, затем Уго. Ольга открывает дверь, Уго выходит.

Уго. Это твоя сестра.

Ольга. Где?

Уго. Я говорю про фото на стене. Это фото твоей сестры. (Пауза.) А мою фотографию ты сняла. (Ольга не отвечает. Он смотрит на нее.) Ты какая-то странная. Чего им было нужно?

Ольга. Они тебя ищут.

Уго. Да? Ты им сказала, что я здесь?

Ольга. Сказала.

Уго. Ладно. (Идет к выходу.)

Ольга. Ночь светлая и возле дома товарищи.

Уго. Ах, так? (Садится к столу.) Дай мне поесть. (Ольга приносит тарелку, хлеб и ветчину. Ставит тарелку на стол, раскладывает еду, он в это время говорит.)

Уго. Насчет твоей комнаты я все правильно помнил, не ошибся ни разу. Все так, как я себе представлял. (Пауза.) Когда я был в тюрьме, я говорил себе – это не более чем воспоминание. Настоящая комната осталась там, за стеной. Я вошел, посмотрел на твою спальню, а она выглядит не более реально, чем в моем воспоминании. Камера тоже относится к области сна. И глаза Хёдерера, когда я стрелял в него. Думаешь, мне повезло, что я проснулся? Может, когда твои приятели придут сюда со своими пушками...

Ольга. Они тебя не тронут, пока ты здесь.

Уго. Тебе удалось договориться? (Наливает себе вина.) Рано или поздно мне придется уйти.

Ольга. Погоди. Еще вся ночь впереди. Много может произойти за ночь.

Уго. А что может случиться, по-твоему?

Ольга. Кое-что может перемениться.

Уго. Что?

Ольга. Ты. Или я.

Уго. Ты?

Ольга. Это от тебя зависит.

Уго. Я должен тебе в этом помочь?

Смеется, смотрит на нее, встает и идет к ней. Она отстраняется.

Ольга. Я не это имела в виду.

Молчат. Уго пожимает плечами и садится. Начинает есть.

Уго. Так что дальше?

Ольга. Почему бы тебе не вернуться к нам?

Уго(смеясь). Подходящий момент для такого вопроса.

Ольга. Но если бы это стало возможным? Если бы вся эта история оказалась недоразумением? Ты никогда не думал, что будешь делать по выходе из тюрьмы?

Уго. Как-то не задумывался.

Ольга. О чем же ты думал?

Уго. О том, что я сделал. Пытался понять, зачем я это сделал.

Ольга. И как, понял? (Уго пожимает плечами.) что у тебя вышло с Хёдерером? Это правда, что он ухаживал за Жессикой?

Уго. Правда.

Ольга. И ты из ревности...

Уго. Не знаю... Не думаю.

Ольга. Расскажи мне.

Уго. Что?

Ольга. Все с самого начала.

Уго. Рассказать несложно, эту историю я знаю наизусть, в тюрьме я каждый день твердил ее про себя. А вот смысл, это дело другое. История дурацкая, как и все истории. Издалека она еще на что-то похожа, но если посмотреть вблизи, все рассыпается. Действие происходит слишком стремительно. Ты внезапно что-то делаешь и не знаешь, хотел ты этого или просто не смог удержаться. Факт тот, что я выстрелил...

Ольга. Начни с самого начала.

Уго. Начало тебе известно так же хорошо, как и мне. Да и было ли у всего этого начало? Начать можно с марта сорок третьего года, когда меня позвал Луи. Или на год раньше, когда я вступил в партию. Или, может, еще раньше, со дня моего появления на свет. Ну, ладно. Предположим, что все началось в марте сорок третьего.

Пока он говорит, на сцене становится все темнее.

Картина вторая

Та же декорация – у Ольги, двумя годами раньше. Ночь. Из левой двери, находящейся в глубине сцены, доносятся голоса, то затихая, то становясь громче, будто идет оживленный разговор между многими людьми.

СЦЕНА I

Уго, Иван.

Уго печатает на машинке. Выглядит гораздо моложе, чем в предыдущей картине. Иван ходит туда-сюда по комнате.

Иван. Послушай!

Уго. Что?

Иван. Может, ты перестанешь стучать?

Уго. Почему?

Иван. Раздражает.

Уго. Ты вроде не похож на неврастеника.

Иван. Надеюсь. Но сейчас меня все раздражает. Ты не можешь со мной поговорить?

Уго(с готовностью). С удовольствием. Как тебя зовут?

Иван. Моя подпольная кличка – Иван. А твоя?

Уго. Раскольников.

Иван(смеясь). Ничего себе имечко!

Уго. Это же подпольная кличка.

Иван. Где ты ее раскопал?

Уго. Так зовут парня в одном романе.

Иван. Чем он занимается?

Уго. Убивает.

Иван. Правда? А ты убивал кого-нибудь?

Уго. Нет. (Пауза.) Кто тебя прислал?

Иван. Луи.

Уго. А что тебе поручили?

Иван. Дождаться десяти часов.

Уго. И что тогда?

Иван делает жест, отказываясь говорить. В соседней комнате шумно, похоже, что там ссорятся.

Иван. Что это у ребят происходит?

Уго делает такой же жест, как до этого Иван, отказываясь отвечать.

Уго. Обидно, что поговорить толком не удастся.

Пауза.

Иван. Ты давно в партии?

Уго. С сорок второго, уже год. Я вступил в партию, когда регент объявил войну СССР. А ты?

Иван. Уже не помню. Похоже, я всегда в ней состоял. (Пауза.) Это ты выпускаешь газету?

Уго. Вместе с другими.

Иван. Она мне часто под руку попадает, но я ее не читаю. Вы тут ни при чем, конечно, но Би-би-си и советское радио все новости сообщают на неделю раньше.

Уго. А где нам их взять? Мы их слушаем по радио, как и вы.

Иван. Да я не спорю. Ты делаешь свое дело, и тебя не в чем упрекнуть. (Пауза .) Который час?

Уго. Без пяти десять.

Иван. Ох... (зевает.)

Уго. Что с тобой?

Иван. Ничего.

Уго. Тебе плохо?

Иван. Да нет, порядок.

Уго. Ты вроде не в своей тарелке.

Иван. Все в порядке, я же сказал. Я всегда такой перед этим.

Уго. Перед чем?

Иван. Перед ничем. (Пауза.) Сяду на велосипед – и вперед. (Пауза.) Слишком я добрый. Я бы и мухи не обидел. (Зевает.)

Входит Ольга.

СЦЕНА II

Те же и Ольга. Ольга ставит чемодан у двери.

Ольга(Ивану). Вот. Ты сможешь его закрепить на багажнике?

Иван. Дай посмотрю. Да, смогу.

Ольга. Уже десять. Тебе пора. Ты получил указания насчет заграждений и дома?

Иван. Получил.

Ольга. Тогда счастливо!

Иван. О неудаче – ни слова. (Пауза.) Поцелуешь меня?

Ольга. Конечно. (Целует его в обе щеки.)

Иван(идет к двери, берет чемодан, оборачивается, прежде чем выйти. С комическим пафосом): До свиданья. Раскольников!

Уго(улыбаясь). Иди к черту!

Иван уходит.

СЦЕНА III

Уго, Ольга.

Ольга. Не надо было поминать черта.

Уго. Почему?

Ольга. Так не принято.

Уго(с удивлением). Ты суеверна, Ольга?

Ольга(задета). Да нет.

Уго внимательно на нее смотрит.

Уго. Что он должен сделать?

Ольга. Тебе это ни к чему.

Уго. Он взорвет Корский мост?

Ольга. Почему я должна тебе все рассказывать? В случае провала, чем меньше ты будешь знать, тем лучше.

Уго. Но ведь ты знаешь, что ему поручили?

Ольга(пожимая плечами). Ну, я-то...

Уго. Конечно, ты удержишь язык за зубами. Ты как Луи – из вас слова не вытянешь, хоть убей. (Короткое молчание.) Почему вы думаете, что я проболтаюсь? Как вы можете мне доверять, если даже не испытали меня?

Ольга. Партия – не воскресная школа. Нам не испытывать тебя нужно, а использовать по способностям.

Уго(показывая на пишущую машинку). А моих способностей только на это хватает?

Ольга. Ты умеешь развинчивать рельсы?

Уго. Нет.

Ольга. Тогда о чем речь? (Пауза. Уго смотрит на себя в зеркало.) Любуешься своей красотой?

Уго. Просто смотрю, похож ли я на своего отца. (Пауза.) Еще бы усы, и не отличишь.

Ольга(пожимая плечами). Ну и что?

Уго. Я не люблю отца.

Ольга. Знаем.

Уго. Он мне сказал: «Я тоже в свое время входил в революционную группу, пописывал в их газете. Потом это прошло, пройдет и у тебя...»

Ольга. Зачем ты мне об этом рассказываешь?

Уго. Просто так. Вспоминается каждый раз, как смотрю в зеркало.

Ольга(показывая на дверь комнаты, где находятся люди). Луи там?

Уго. Да.

Ольга. А Хёдерер?

Уго. Я не знаю его в лицо, но думаю, он тоже там. Кто он такой на самом деле?

Ольга. Он был депутатом Ландштагадо отпуска. Теперь он партийный секретарь. Хёдерер – это не настоящее его имя.

Уго. А как его по-настоящему зовут?

Ольга. Говорю тебе, ты слишком любопытен.

Уго. Как они раскричались! Похоже, ссорятся.

Ольга. Хёдерер собрал членов комитета и поставил на голосование одно предложение.

Уго. Какое?

Ольга. Понятия не имею. Знаю только, что Луи против.

Уго(улыбаясь). Ну, тогда и я против. Совсем незачем знать, о чем идет речь. (Пауза.) Ольга, ты должна мне помочь.

Ольга. В чем?

Уго. Убедить Луи допустить меня к участию в прямых действиях. Хватит с меня писанины, ведь другие товарищи идут на смерть.

Ольга. Ты тоже рискуешь.

Уго. Не так, как другие. (Пауза.) Ольга, я не хочу больше жить.

Ольга. Правда? Почему?

Уго(делает жест). Это слишком сложно.

Ольга. Ты, между прочим, женат.

Уго. Это ни при чем.

Ольга. Ты любишь свою жену?

Уго. Люблю, конечно. (Пауза.) Если подумать, можно с толком использовать человека, который не хочет жить. (Пауза. Из комнаты доносятся крики и шум.) У них там не все ладно.

Ольга(обеспокоенно). Совсем неладно.

СЦЕНА IV

Те же и Луи.

Дверь отворяется. Луи и еще двое мужчин быстро проходят, открывают входную дверь и уходят.

Луи. Кончено.

Ольга. Как Хёдерер?

Луи. Настоял на своем вместе с Борисом и Люка.

Ольга. Что теперь?

Луи(пожимает плечами и не отвечает. Пауза. Затем.) Подонки!

Ольга. Проголосовали?

Луи. Да. (Пауза.) Ему поручено начать переговоры.

Ольга. Когда следующее собрание?

Луи. Через десять дней. У нас еще неделя впереди.

(Ольга показывает ему на Уго.) Что? Ах, да... Ты еще здесь? (Смотрит на него и повторяет рассеянно.) Ты пока здесь... (Уго порывается уйти.) Останься. Может, у меня будет для тебя дело. (Ольге.) Ты его знаешь лучше, чем я. Стоит его попробовать?

Ольга. Стоит.

Луи. Он не сдрейфит?

Ольга. Ни в коем случае. Скорее...

Луи. Скорее что?

Ольга. Ничего. Попробуй его.

Луи. ладно. (Пауза.) Иван ушел?

Ольга. Да, минут пятнадцать тому назад.

Луи. У нас самые лучшие места – отсюда мы услышим взрыв. (Пауза. Подходит к Уго.) Говорят, ты хочешь действовать?

Уго. Да.

Луи. Почему?

Уго. Просто так.

Луи. Отлично. Но ты ведь белоручка.

Уго. Действительно. Я ничего не умею.

Луи. Так как же быть?

Уго. В конце прошлого века в России были люди, которые вставали на пути великого князя с бомбой за пазухой. Бомба взрывалась, великий князь погибал и убийца тоже. Я способен на такое.

Луи. Это были анархисты. Ты мечтаешь об этом потому, что ты такой же, как они, – интеллигент-анархист. Ты опоздал на пять-десять лет, с анархизмом покончено.

Уго. Значит, я ни на что не гожусь.

Луи. В этом деле нет.

Уго. Не будем больше об этом говорить.

Луи. погоди. (Пауза.) Может, я подыщу тебе одно дело.

Уго. Настоящее?

Луи. Почему бы и нет?

Уго. И ты по-настоящему доверишься мне?

Луи. От тебя зависит.

Уго. Луи, я готов сделать все, что угодно.

Луи. Посмотрим. Садись. (Пауза.) Ситуация складывается следующим образом: с одной стороны, фашистское правительство регента, который подстраивается под политику Альянса, и, с другой – наша партия, борющаяся за демократию, свободу, бесклассовое общество. Промежуточную позицию занимает Пентагон, который негласно объединяет буржуазных либералов и националистов. Таковы три непримиримые группировки, три группы ненавидящих друг друга людей. (Пауза.) Хёдерер собрал нас вместе сегодня, потому что он хочет, чтобы пролетарская партия объединилась с фашистами и Пентагоном и после окончания войны разделила с ними власть. Как тебе это нравится?

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
Уго(улыбаясь). Ты шутишь.

Луи. Почему?

Уго. Потому что это чушь.

Луи. Однако об этой чуши мы только что спорили битых три часа.

Уго(потрясенный). Это... как если бы ты мне, например, сказал, что Ольга донесла на всех нас в полицию и партия поблагодарила ее за это.

Луи. Чтобы ты стал делать, если бы большинство высказалось в пользу такого сближения?

Уго. Ты серьезно спрашиваешь?

Луи. Да.

Уго. Я ушел из семьи и из своей среды в тот день, когда понял, что они основаны на угнетении. Я ни за что не пойду на компромисс.

Луи. Но если бы дело дошло до этого?

Уго. Тогда я взял бы бомбу и прикончил легавого на Королевской площади или, если повезет, какого-нибудь фашистского пособника из наших военных. А потом остался бы ждать рядом с трупом, когда за мной придут. (Пауза.) Но ты ведь шутишь?

Луи. Комитет принял предложение Хёдерера четырьмя голосами против трех. На следующей неделе Хёдерер встретится с эмиссарами регента.

Уго. Его что, купили?

Луи. Не знаю и не интересуюсь. Объективно говоря, он предатель, мне этого достаточно.

Уго. Но, Луи, я не знаю, конечно... но... но это абсурд: регент ненавидит нас, преследует, он заодно с немцами против СССР, он расстреливает наших – как же можно?

Луи. Регент больше не верит в победу Альянса – он спасает свою шкуру, хочет в случае победы союзников иметь возможность сказать, что играл двойную игру.

Уго. А как же все остальные?

Луи. Все наши, и я в том числе, против Хёдерера. Не забывай только, что пролетарская партия родилась в результате слияния ПАК и социал-демократов. Соцдеки голосовали за Хёдерера, а их большинство.

Уго. А почему они?..

Луи. Потому что они боятся Хёдерера.

Уго. А мы не можем с ними размежеваться?

Луи. Мы не пойдём на раскол. (Пауза.) Ты с нами, малыш?

Уго. Вы с Ольгой меня всему научили, вам я обязан всем. Для меня партия – это вы.

Луи(Ольге). Он думает то, что говорит?

Ольга. Да.

Луи. Хорошо. (Уго.) Ты понял ситуацию: мы не можем ни устраниться, ни взять верх в комитете. Вся загвоздка в хёдереровских уловках. Без него мы их всех одолеем. (Пауза.) Во вторник Хёдерер попросил, чтобы партия предоставила ему секретаря. Женатого студента.

Уго. Почему обязательно женатого?

Луи. Не знаю. Ты ведь женат?

Уго. Да.

Луи. Ну так как? Ты согласен?

Смотрят друг на друга.

Уго(решительно). Согласен.

Луи. Прекрасно. Поедешь завтра туда вместе с женой. Он живет в двадцати километрах отсюда, в деревенском доме, который ему уступил какой-то приятель. С ним вместе – трое крутых ребят на случай нападения. Тебе придется просто следить за ним; связь мы установим, как только ты приедешь. Нужно, чтобы он не встретился с посланцами регента. По крайней мере, нельзя допустить, чтобы они встретились дважды, понимаешь?

Уго. Понимаю.

Луи. Как-нибудь вечером, тебе сообщат когда, ты вступишь троих товарищей, которые все сделают; на дороге будет ждать машина, и ты с женой успеешь скрыться.

Уго. Послушай, Луи...

Луи. В чем дело?

Уго. И это все, на что я, по-твоему, гожусь?

Луи. Ты не согласен?

Уго. Нет. Отнюдь нет. Я не хочу быть ведомым бараном. У нас тоже свои причуды. Мы, анархисты-интеллектуалы, не за всякую работу беремся.

Ольга. Уго!

Уго. Вот что я предлагаю: не нужно ни шпионить, ни связь устанавливать. Я все сделаю сам.

Луи. Ты?

Уго. Да, я.

Луи. Это тяжелая работа для дилетанта.

Уго. Ваши трое громил могут встретиться с телохранителями Хёдерера; есть риск, что они попадутся. Я же, если войду у нему в доверие, буду с ним наедине по несколько часов в день, как его секретарь.

Луи(колеблется). Не знаю...

Ольга. Луи!

Луи. Что?

Ольга(мягко). Доверься ему. Этот парень ищет свой шанс. Он пойдет на все.

Луи. Ты за него ручаешься?

Ольга. Полностью.

Луи. Хорошо. Тогда слушай...

Издалека доносится глухой взрыв.

Ольга. Загорелось. Там пожар. Ему удалось.

Смотрит в окно.

Уго. Ему удалось. В такую же ночь на будущей неделе вы оба опять будете ждать здесь, и беспокоиться, и говорить обо мне, и рассчитывать на меня. И вы будете спрашивать: что он сейчас делает? А затем раздастся телефонный звонок или кто-нибудь постучит в дверь, вы улыбнетесь как сейчас, и скажете: «Ему удалось».

ЗАНАВЕС

Картина третья

Комната. Кровать, шкафы, кресла, стулья. На всех стульях разбросана женская одежда, на постели – открытые чемоданы.

Жессика наводит порядок. Подходит к окну, смотрит в него, возвращается, идет к закрытому чемодану с инициалами «У. Б.», стоящему в углу, тащит его на авансцену, опять глядит в окно, вынимает из платяного шкафа мужской костюм, шарит в карманах, вытаскивает ключ, открывает чемодан, поспешно роется в нем, бросает взгляд в окно, возвращается, опять роется в чемодане, находит что-то и внимательно осматривает, стоя спиной к зрителям; снова смотрит в окно. Вздрагивает, быстро запирает чемодан, кладет ключ в карман пиджака и прячет под матрас какую-то вещь.

Входит Уго.

СЦЕНА I

Жессика, Уго.

Уго. Никак не мог отделаться. Долго время тянулось, как по- твоему?

Жессика. Ужасно.

Уго. Что ты делала?

Жессика. Спала.

Уго. Когда спишь, время быстро проходит.

Жессика. Мне снилось, что время тянется слишком долго, поэтому я проснулась и стала разбирать чемоданы. Навела порядок – нравится?

Показывает на разбросанную по кровати и стульям одежду.

Уго. Не знаю... Это на время?

Жессика(твердо). Навсегда.

Уго. Чудесно.

Жессика. Какой он?

Уго. Кто?

Жессика. Хёдерер.

Уго. Хёдерер? Ничего особенного.

Жессика. Какого он возраста?

Уго. Среднего.

Жессика. Что это значит?

Уго. От двадцати до шестидесяти.

Жессика. Он маленького или высокого роста?

Уго. Среднего.

Жессика. Особые приметы есть?

Уго. Длинный шрам, парик и стеклянный глаз.

Жессика. Кошмар какой!

Уго. Я вру. У него нет особых примет.

Жессика. Ты делаешь вид, что хитришь, а описать-то его как следует не можешь.

Уго. Да уж могу, если захочу.

Жессика. Нет, не можешь.

Уго. Могу.

Жессика. Не можешь. Какого цвета у него глаза?

Уго. Серые.

Жессика. Пчелка моя, тебе все глаза видятся серыми. А ведь бывают и голубые, и карие, и зеленые, и черные. Даже сиреневые встречаются. А у меня какие глаза? (Закрывает глаза рукой.) Не подсматривай.

Уго. Твои глаза – два шелковых покрова, два сада андалузских, две луны...

Жессика. Я спрашиваю, какого они цвета.

Уго. Голубые.

Жессика. Ты подсмотрел.

Уго. Нет, ты сама мне сказала сегодня утром.

Жессика. Дурачок. (Идет к нему.) Уго, вспомни хорошенько: у него усы есть?

Уго. Нет. (Пауза. Уверенно.) Точно нет.

Жессика(грустно). Хочется верить.

Уго(вспоминает, затем решительно). У него галстук в горошек.

Жессика. В горошек? Он ли?

Уго. Такой вот... (показывает, как завязывают галстук бантом). Ну, ты знаешь.

Жессика. Попался, выдал себя! Пока он говорил, ты не спускал глаз с его галстука. Уго, он тебя запугал.

Уго. Да нет же.

Жессика. Испугался, испугался!

Уго. В нем нет ничего пугающего.

Жессика. Тогда почему ты уставился ему в галстук?

Уго. Чтобы его не напугать.

Жессика. Ну, хорошо. Я-то на него посмотрю, а ты, если захочешь узнать, какой он, спросишь у меня. Что он тебе сказал?

Уго. Я ему сообщил, что мой отец – вице-президент тосской угольной компании и что я ушел от него и вступил в партию.

Жессика. Ну и что он?

Уго. Хорошо, говорит.

Жессика. А потом?

Уго. Я не стал скрывать, что у меня ученая степень, но убедил его, что я не какой-нибудь интеллигентик, что я не гнушаюсь работы переписчика и что ставлю себе в заслугу подчинение и самую строгую дисциплину.

Жессика. И что же он ответил?

Уго. Сказал, что это хорошо.

Жессика. Вы так два часа разговаривали?

Уго. Мы делали паузы.

Жессика. Ты из тех, кто рассказывает, что он сказал другим, но никогда не говорит, что ему ответили.

Уго. Я ведь думаю, что ты интересуешься мною больше, чем другими.

Жессика. Конечно, моя пчелка. Но ты мой. А другие мне не принадлежат.

Уго. Ты хочешь заполучить Хёдерера?

Жессика. Я всех хочу заполучить.

Уго. Хм. Он вульгарный.

Жессика. Откуда ты знаешь? Ты ведь на него не смотрел.

Уго. Галстук в горошек может носить только вульгарный человек.

Жессика. Греческие императрицы делили ложе с полководцами- варварами.

Уго. В Греции не было императриц.

Жессика. В Византии были.

Уго. В Византии были полководцы-варвары и греческие императрицы, но неизвестно, чем они вместе занимались.

Жессика. А чем они еще могли заниматься? (Недолгая пауза.) Он у тебя спрашивал какая я?

Уго. Нет.

Жессика. Впрочем, ты бы и ответить не смог, ты ведь не знаешь. Он ничего про меня не говорил?

Уго. Нет.

Жессика. Какой невоспитанный!

Уго. Вот видишь. К тому же ты слишком поздно им заинтересовалась.

Жессика. Почему поздно?

Уго. Будешь держать язык за зубами?

Жессика. Рта не раскрою.

Уго. Он скоро умрет.

Жессика. Он болен?

Уго. Нет, его убьют. Как всех политических деятелей.

Жессика. Вот как? (Пауза.) А ты, пчелка, ты политический деятель?

Уго. Разумеется.

Жессика. А что обычно делают вдовы политических деятелей?

Уго. Вступают в партию своего мужа и продолжают его дело.

Жессика. Господи! Я лучше покончу с собой на твоей могиле.

Уго. Так теперь делают только в Малабаре.

Жессика. Послушай, тогда я вот что сделаю: найду твоих убийц, всех до одного, заставлю их изнывать от любви ко мне и, когда они решат, что наконец утолена моя надменная и безутешная скорбь, вонжу им нож в сердце.

Уго. А что тебе интересней – убить их или соблазнить?

Жессика. Ты глуп и вульгарен.

Уго. Я думал, тебе нравятся вульгарные мужчины. (Жессика не отвечает.) Мы играем или нет?

Жессика. Больше не играем. Мне надо разобрать вещи.

Уго. Давай-давай.

Жессика. Очередь за твоим чемоданом. Дай ключ.

Уго. Я тебе его дал.

Жессика показывает на чемодан, который она открывала в начале сцены.

Жессика. От этого – нет.

Уго. Этот я сам разберу.

Жессика. Это дело не по тебе, душа моя.

Уго. С каких это пор оно по тебе? Ты хочешь поиграть в горничную?

Жессика. Ты же играешь в революционера.

Уго. Революционеры не нуждаются в горничных, они отрезают им голову.

Жессика. Они предпочитают черноволосых вольниц, таких, как Ольга.

Уго. Ревнуешь?

Жессика. Хорошо бы поревновать. Мы в это никогда не играли. Поиграем?

Уго. Если хочешь.

Жессика. Хорошо. Тогда отдай ключ от этого чемодана.

Уго. Ни за что!

Жессика. А что в нем?

Уго. Постыдная тайна.

Жессика. Какая?

Уго. Оказалось, что я не сын своего отца.

Жессика. Как бы ты обрадовался этому, пчелка моя. Но, увы, это несбыточно – вы слишком похожи.

Уго. Неправда! Жессика, ты находишь, что я на него похож?

Жессика. Играем или нет?

Уго. Играем.

Жессика. Тогда открывай чемодан.

Уго. Я поклялся не открывать его.

Жессика. Он набит письмами волчицы, а может, и фотографиями? Открывай!

Уго. Не открою.

Жессика. Открой! Открой!

Уго. Нет и нет.

Жессика. Ты играешь?

Уго. Да.

Жессика. Чур, я не играю. Открой чемодан.

Уго. Чур, не открою.

Жессика. Мне все равно, я знаю, что там лежит.

Уго. Ну что?

Жессика. Там... там... (Засовывает руку под матрас, вынимает что-то, заводит руки за спину, затем выхватывает фотографии и размахивает ими.) Вот что!

Уго. Жессика!

Жессика(торжествующе). Я нашла ключ в твоём синем костюме и теперь знаю, кто твоя возлюбленная, твоя принцесса и повелительница. Это не я и не волчица, это ты, дружок, ты сам. Двенадцать твоих фотографий было в чемодане.

Уго. Отдай их мне.

Жессика. Двенадцать фотографий из твоей мечтательной юности. В три года, в шесть, в восемь, в десять, в двенадцать и в шестнадцать. Ты их забрал, когда отец прогнал тебя, и повсюду таскаешь с собой. Как же ты себя любишь!

Уго. Жессика, я больше не играю.

Жессика. В шесть лет ты носил стоячий воротничок, он, должно быть, натирал твою цыплячью шейку, и бархатный костюмчик с галстуком-бантом. Маленький красавец-мужчина, послушный ребенок! Из послушных деток, сударыня, вырастают самые оголтелые революционеры. Они всегда молчат, под столом не прячутся, съедают только одну конфетку, но зато потом заставляют общество дорого заплатить за это. Остерегайтесь послушных детей!

Притихший было Уго внезапно бросается на нее.

Уго. Отдай, ведьма! Да отдай же!

Жессика. Отпусти! (Уго кидает ее на постель.) Осторожно, убьешь.

Уго. Отдай.

Жессика. Говорю тебе, револьвер может выстрелить. (Уго поднимается, она показывает ему револьвер, который держала за спиной.) Я его нашла тоже в чемодане.

Уго. Отдай.

Берет револьвер, роется в карманах своего синего костюма, вынимает ключ, открывает чемодан, собирает фотографии и кладет их вместе с револьвером в чемодан. Пауза.

Жессика. Откуда у тебя револьвер?

Уго. У меня всегда с собой револьвер.

Жессика. Неправда. До приезда сюда у тебя его не было. И этого чемодана тоже. Ты купил и то и другое вместе. Зачем тебе револьвер?

Уго. Хочешь, скажу?

Жессика. Ответь мне серьезно. Ты не имеешь права скрывать от меня свою жизнь.

Уго. Никому не скажешь?

Жессика. Ей-богу, нет.

Уго. Я должен убить Хёдерера.

Жессика. Какой ты зануда, Уго. Я же сказала, что больше не играю.

Уго. А я что, играю? Может, я это несерьезно? Кто знает... Жессика, ты будешь женой убийцы!

Жессика. Но ты не сможешь, бедная пчелка. Хочешь, я вместо тебя его убью? Пойду и предложу ему отдаться...

Уго. Благодарю покорно, а вдруг промахнешься? Я уж лучше сам.

Жессика. Да зачем тебе его убивать? Ты ведь его совсем не знаешь.

Уго. Затем, чтобы моя жена воспринимала меня серьезно. Ты будешь относиться ко мне серьезно?

Жессика. Я? Я буду обожать тебя, я тебя спрячу, буду приносить тебе пищу, развлекать в твоём укрытии, и, когда соседи донесут на нас, я оттолкну жандармов, брошусь к тебе на грудь, обниму и закричу: я люблю тебя...

Уго. Скажи это мне сейчас.

Жессика. Что сказать?

Уго. Что любишь меня.

Жессика. Я люблю тебя.

Уго. Скажи как следует.

Жессика. Я тебя люблю.

Уго. Ты говоришь не по-настоящему.

Жессика. Что это с тобой? Ты играешь?

Уго. Нет, не играю.

Жессика. Почему ты просишь меня? Это не в твоих привычках.

Уго. Не знаю. Мне хочется думать, что ты меня любишь. Это мое право. Ну,

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
скажи мне. Скажи по-настоящему.

Жессика. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Нет: я тебя люблю. Ах, иди к черту. А как ты это говоришь?

Уго. Я люблю тебя.

Жессика. Видишь, у тебя не лучше получается.

Уго. Жессика, ты веришь тому, что я сейчас сказал?

Жессика. Тому, что ты меня любишь?

Уго. Тому, что я собираюсь убить Хёдерера?

Жессика. Да, конечно, верю.

Уго. Сделай усилие, Жессика, постарайся быть серьезной.

Жессика. А зачем мне быть серьезной?

Уго. Нельзя же все время играть.

Жессика. Не люблю я этого, но можно попробовать поиграть в серьезность.

Уго. Посмотри мне в глаза. Не смейся. Послушай, это правда про Хёдерера. Меня прислала партия.

Жессика. Не сомневаюсь. А почему ты мне раньше не сказал?

Уго. Думал, ты откажешься со мной поехать.

Жессика. Отчего же? Это мужские дела, они меня не касаются.

Уго. Странное поручение, видишь ли... Этот тип – крепкий орешек.

Жессика. Ну что же, мы усыпим его хлороформом и привяжем к жерлу пушки.

Уго. Жессика, я серьезно.

Жессика. Я тоже.

Уго. Ты притворяешься серьезной, сама сказала.

Жессика. Это ты притворяешься.

Уго. Поверь мне, умоляю.

Жессика. Поверю, если ты согласишься, что я серьезна.

Уго. Хорошо, допустим, я тебе верю.

Жессика. Нет, ты опять притворяешься, что веришь.

Уго. Так мы никогда не договоримся. (Стук в дверь.) Войдите!

Пока он идет к двери, Жессика становится спиной к публике, загораживает чемодан.

СЦЕНА II

Слик, Жорж, Уго, Жессика.

Слик и Жорж входят, улыбаясь. У них автоматы и револьверы на поясе. Пауза.

Жорж. А вот и мы.

Уго. Чем обязан?

Жорж. Пришли узнать, не нужно ли вам помочь.

Уго. В чем помочь?

Слик. Устроиться.

Жессика. Очень мило с вашей стороны, но мне помощь не нужна.

Жорж(показывая на разбросанные женские вещи). Все это нужно сложить.

Слик. Вчетвером мы быстро управимся.

Жессика. Вы так думаете?

Слик(берет комбинацию со спинки стула и держит ее кончиками пальцев). Это нужно посередине складывать? А затем поперек?

Жессика. А мне казалось, вы скорее специалисты по ручному труду.

Жорж. Не трогай, Слик, не то станешь думать, о чем не следует. Извините его, мадам, мы уж полгода женщин не видели.

Слик. Забыли, какие они из себя.

Смотрят на нее.

Жессика. Вспомнили?

Жорж. Вспоминаем понемногу.

Жессика. А что, в деревне женщин нет?

Слик. Есть-то есть, да мы туда не ходим.

Жорж. Бывший секретарь каждую ночь сигал через стену, вот его и нашли однажды утром башкой в канаве. Тогда старик решил взять женатого, чтобы не гулял на сторону.

Жессика. Очень тонко придумано.

Слик. Нам-то все это ни к чему.

Жессика. Правда? Почему?

Жорж. Он сказал, что мы должны быть как хищные звери.

Уго. Это телохранители Хёдерера.

Жессика. Знаешь, я догадалась.

Слик(показывая на свой автомат). Из-за этого?

Жессика. Из-за этого тоже.

Жорж. Приняли нас за профессионалов, так ведь? Я-то сам водопроводчик. Тут мы по совместительству по просьбе партии.

Слик. Вы нас не боитесь?

Жессика. Что вы! Только, может, вы снимете свои доспехи? (Показывает на револьверы и автоматы.) Положите их в угол.

Жорж. Никак нельзя.

Слик. Не положено.

Жессика. Хоть перед сном вы от них избавляетесь?

Жорж. Нет, мадам.

Жессика. Неужели?

Слик. Никак нет.

Уго. Они все правила соблюдают. Когда я входил к Хёдереру, они меня подталкивали дулами пушек.

Жорж(смеясь). Вот такие мы ребята.

Слик(смеясь). Пошевелись он, вы бы остались вдовой.

Все смеются.

Жессика. Значит, ваш хозяин сильно боится?

Слик. Не боится, а не хочет, чтобы его убили.

Жессика. А зачем его убивать?

Слик. Не знаю зачем. Но его точно собираются убить. Уж две недели, как его предупредили приятели.

Жессика. Интересно-то как!

Слик. Нужно быть начеку, и все тут. Ничего страшного, привыкнете.

Пока Слик говорит, Жессика ходит по комнате с деланно небрежным видом. Подходит к открытому шкафу и вынимает костюм Уго.

Жорж. Эй, Слик! Гляди, какая упаковка! Слик. У него работа такая. Твой секретарь за тобой записывает, ты на него смотришь, нужно, чтобы он тебе глянулся, иначе и мыслям конец.

Жорж ощупывает костюм, делая вид, что сметает с него пыль.

Жорж. Со шкафами будьте поосторожней, у них стенки грязные.

Вешает костюм в шкаф, подходит к Слику. Жессика и Уго переглядываются.

Жессика(вспомнив о своих обязанностях). Садитесь, пожалуйста.

Слик. Нет-нет, спасибо.

Жорж. Мы постоим.

Жессика. У нас, к сожалению, нечего выпить.

Слик. Неважно, при исполнении мы не пьем.

Уго. А вы при исполнении?

Жорж. Мы всегда при исполнении.

Уго. Правда?

Слик. Видите ли, святым надо быть, чтобы выполнять эту проклятую работу?

Уго. Я-то не на службе. Мы с женой у себя дома. Давай сядем, Жессика.

Садятся.

Слик(идя к столу). Красивый вид.

Жорж. Хорошо у них.

Слик. Спокойно здесь.

Жорж. Видал кровать... на троих места хватит.

Слик. А хоть бы и на четверых, молодожены потеснятся.

Жорж. Сколько лишнего места; а ведь есть люди, которые спят на земле.

Слик. Заткнись ты, а то я ночью не усну.

Жессика. У вас что, кроватей нет?

Слик(весело). Жорж!

Жорж(смеясь). Что тебе?

Слик. Она спрашивает, есть ли у нас кровати!

Жорж(показывая на Слика). Он спит на ковре в кабинете, а я в коридоре у спальни старика.

Жессика. Трудно приходится?

Жорж. Мужу вашему это бы не по душе пришлось, уж больно он деликатного сложения. Мы-то привычные. Горе в том, что у нас и комнаты нет, чтобы отдохнуть. В саду долго не проторчишь, приходится весь день сидеть в прихожей.

Нагибается и заглядывает под кровать.

Уго. Что вы ищете?

Жорж. Тут крысы водятся. (Встает.)

Уго. Нашли?

Жорж. Нет.

Уго. Ну и хорошо.

Пауза.

Жессика. Как же это вы оставили хозяина одного? Не боитесь, что с ним случится беда, если вас долго не будет?

Слик. Там Леон остался. (Показывая на телефон.) Если что-нибудь произойдет, он позвонит.

Пауза. Уго встает, бледный и взволнованный. Жессика тоже встает.

Уго. Симпатяги, верно?

Жессика. Чудесные ребята.

Уго. А сложение у них какое!

Жессика. Как шкафы! Вы будете тремя неразлучными друзьями. Мой муж обожает убийц. Он сам мечтает стать убийцей.

Слик. Это ему не подойдет. Он создан для того, чтобы быть секретарем.

Уго. Мы, точно, поладим. Я буду мозгом, Жессика глазами, а вы мускулами. Пощупай их мускулы, Жессика! (Щупает.) Железные! Пощупай.

Жессика. Но, может, господину Жоржу неприятно.

Жорж(напряженно). Да мне все равно.

Уго. Видишь, он в восторге. Пощупай, Жессика, пощупай. (Жессика щупает.) Железные, правда?

Жессика. Стальные.

Уго. Давайте мы перейдем на ты.

Слик. Давай, приятель!

Жессика. Так мило с вашей стороны, что вы пришли нас повидать.

Слик. Это нам приятно, да, Жорж?

Жорж. Нам особенно приятно видеть, как вы счастливы.

Жессика. Вам теперь будет о чем поговорить в вашей прихожей.

Слик. Конечно, и ночью мы будем вспоминать: «Им там тепло, он обнимает свою женушку».

Жорж. Это нас приободрит.

Уго(открывая дверь). Приходите еще как к себе домой.

Слик. Сейчас мы уйдем. Уйдем тут же. Только выполним одну формальность.

Уго. Какую формальность?

Слик. Комнату обыщем.

Уго. Нет.

Жорж. Как нет?

Уго. Обыска не будет.

Слик. Не ерпенься, дурачок, у нас есть приказ.

Уго. Чей приказ?

Слик. Хёдерера.

Уго. Хёдерер вам приказал произвести обыск в моей комнате?

Жорж. Не валяй дурака, приятель. Тебе же сказано: нас предупредили, что на днях не миновать заварухи. Сам понимаешь, никак нельзя не обшарить карманов у всех входящих. Может, у тебя там граната или еще что похуже, хоть я и не думаю, что ты такой уж любитель пострелять.

Уго. Я спрашиваю, отдал ли Хёдерер конкретный приказ обыскать именно мои вещи?

Слик(Жоржу). Приказал... его вещи?

Жорж. Да, приказал.

Слик. Здесь всех вновь прибывших обыскивают. Таково правило. Ничего не поделаешь.

Уго. А меня вы обыскивать не будете. Сделайте исключение. Ничего не поделаешь.

Жорж. Ты разве не партийный?

Уго. Партийный.

Жорж. Как же тебя ничему не научили? Ты что, не знаешь, что такое приказ?

Уго. Это я знаю не хуже вас.

Слик. Тебе неизвестно, что приказы надо выполнять?

Уго. Известно.

Слик. Ну так как?

Уго. Я уважаю приказы, но себя самого я тоже уважаю и не собираюсь подчиняться идиотским распоряжениям, которые ставят меня в смешное положение.

Слик. Это ты так думаешь. Скажи-ка, Жорж, ты себя уважаешь?

Жорж. Вроде нет. Иначе я бы знал. А ты, Слик?

Слик. Что я, псих? Чтобы себя уважать, нужно быть по меньшей мере секретарем.

Уго. Бедняги! Если я вступил в партию, то именно для того, чтобы когда-нибудь все люди, секретари или нет, получили на это право.

Жорж. Пусть он замолчит, Слик, не то я разревусь. Мы, парень, вступили в партию потому, что нам надоело подыхать с голоду.

Слик. И для того, чтобы все такие, как мы, имели что пожрать.

Жорж. Хватит болтать, Слик. Открой-ка это для начала.

Уго. Ты не посмеешь.

Слик. Я не посмею, дружок? А как ты мне помешаешь?

Уго. Я не могу драться с паровым катком, но, если ты только протянешь свою лапу, мы сегодня же уедем и Хёдереру придется искать нового секретаря.

Жорж. Подумаешь, испугал! Да я таких секретарей...

Уго. Ну что ж, обыскивай, если не боишься, валяй!

Жорж чешет голову. Жессика, очень спокойная во время всей сцены, подходит к ним.

Жессика. Почему бы не позвонить Хёдереру?

Слик. Хёдереру?

Жессика. Он вас рассудит.

Жорж и Слик переглядываются.

Жорж. Это можно. (Идет к телефону, снимает трубку и набирает номер.) Алло, Леон? Пойди скажи старику, что парень кочевряжится. Что? Да так, разговорчики. (Возвращается к Слику.) Он пошел говорить со стариком.

Слик. Ладно. Только давай так, Жорж. Мне сам Хёдерер нравится, но если он вздумает сделать исключение для этого буржуйского сынка, тогда как всех других обшаривали да ощупывали, даже почтальона, я потребую расчета.

Жорж. Согласен. Или ему придется потерпеть, или мы уйдем отсюда.

Слик. Может, я себя не уважаю, но и у меня есть гордость.

Уго. Очень может быть, дружище, но если сам Хёдерер отдаст приказ провести обыск, я через пять минут уеду из этого дома.

Жорж. Слик!

Слик. Что?

Жорж. Тебе не кажется, что этот господин смахивает на аристократа?

Уго. Жессика!

Жессика. Что?

Уго. Тебе не кажется, что эти господа смахивают на дубины?

Слик(идет к нему и кладет руку ему на плечо). Полегче, приятель, если мы дубины, то и отдубасить тебя сумеем.

Входит Хёдерер.

СЦЕНА III

Те же, Хёдерер.

Хёдерер. Почему меня побеспокоили?

Слик отступает на шаг.

Слик. Он не хочет, чтобы его обыскивали.

Хёдерер. Не хочет?

Уго. Если вы им позволите делать обыск, я уеду, вот все.

Жорж. А если ты отменишь приказ, уедем мы.

Хёдерер. Садитесь. (Все нехотя садятся.) Кстати, Уго, можешь ко мне обращаться на ты. У нас здесь все на ты.

Берет со спинки кресла трусики и пару чулок и собирается положить их на постель.

Жессика. Разрешите? (Забирает у него вещи, комкает и бросает на кровать, не сходя с места.)

Хёдерер. Как тебя зовут?

Жессика. Вы и женщин называете на ты?

Хёдерер. Да.

Жессика. Придется привыкать. Мое имя Жессика.

Хёдерер(пристально смотрит на нее). Я думал, ты уродина.

Жессика. Извините.

Хёдерер(продолжая смотреть на нее). Да, жаль.

Жессика. Может, мне обрить голову?

Хёдерер(все смотрит на нее). Не стоит. (Отходит.) Они из-за тебя чуть не

подрались?

Жессика. Пока до этого не дошло.

Хёдерер. Будем надеяться, и не дойдет. (Садится в кресло.) Не в обыске дело.

Слик. Мы...

Хёдерер. Обыск не имеет никакого значения. Мы об этом еще поговорим. (Слику.) Что случилось? В чем вы его упрекаете? Он слишком хорошо одет? Говорит как пишет?

Слик. Нутро у него не то.

Хёдерер. Вот этого не надо. Нутро тут ни при чем. (Смотрит на них.) Дети мои, вы не делом занимаетесь. (Уго.) А ты заносишься, потому что чувствуешь свою слабость. (Слику и Жоржу.) Вы, видно, с левой ноги сегодня встали. Вы с самого начала его невзлюбили. Завтра вы начнете его подначивать, а через неделю, когда мне потребуется, чтобы он написал письмо, вы заявите, что он утонул в озере.

Уго. Может, мне удастся помешать...

Хёдерер. Ты ничему не сможешь помешать. Не раздражайся, малыш. Просто не нужно доводить до этого. Четверо мужчин, живущих вместе, или ладят между собой, или перегрызают друг другу глотки. Для моего удовольствия вы должны поладить.

Жорж(с достоинством). Чувству не прикажешь.

Хёдерер(настойчиво). Прикажешь. Прикажешь, если ты на службе, если ты член той же партии.

Жорж. Мы не из одной партии.

Хёдерер(Уго). Ты не из наших?

Уго. Из ваших.

Хёдерер. В чем же дело?

Слик. Может, мы и в одной партии, да вступили в нее по разным причинам.

Хёдерер. В партию вступают всегда по одной причине.

Слик. погоди! Он вступил для того, чтобы научить бедных людей уважать самих себя.

Хёдерер. Неужели?

Жорж. Он так сказал.

Уго. А вы для того, чтобы нажираться вволю. Это ваши слова.

Хёдерер. За чем же дело стало? Вот вы и договорились.

Слик. Это как?

Хёдерер. Слик! Разве ты мне не говорил, что тебе было совестно голодать? (Придвигается к Слику, ждет ответа, но не получает его.) И ты места себе не находил, потому что не мог думать ни о чем другом? И что двадцатилетний парень может заняться чем-нибудь более стоящим, чем все время искать, чего пограть.

Слик. Не надо было об этом говорить в его присутствии.

Хёдерер. Разве ты не рассказал этого мне?

Слик. Ну и что?

Хёдерер. А то, что ты хотел получить жратву и еще кое-что в придачу. Это «кое-что» он называет самоуважением. Пусть называет. Каждый может употреблять какие угодно слова.

Слик. Это не самоуважение. Мне не по душе, чтобы «это» звалось самоуважением. Он в голове своей находит слова, он думает головой.

Уго. А чем ты мне прикажешь думать?

Слик. Иногда приходится задницей думать. Конечно, я хотел положить этому конец. Хотя передышку получить на время, чтобы подумать о чем-нибудь другом. Но тут дело не в самоуважении. Ты никогда не голодал, а нам мораль читаешь, как дамы-патронессы, которые заходили к моей матери, когда она валялась пьяная, и говорили, что она себя не уважает.

Уго. Не так все просто.

Жорж. Ты голодал когда-нибудь? Спорим, что тебе, наоборот, приходилось дышать воздухом перед обедом, чтобы нагулять аппетит.

Уго. Вот это верно, приятель, – аппетита у меня никогда не было. Посмотрел бы ты, как меня фосфатами пичкали, – половина оставалась, представляешь! Мне раскрывали рот и приговаривали: ложку за папу, ложку за маму, ложку за тетю Анну, – и запихивали ложку глубоко в рот. И все же я рос, представь себе. Но не толстел. Тогда меня заставили пить свежую кровь на бойне – я был бледненький. С тех пор меня от мяса воротит. Отец каждый вечер повторял: «Этот ребенок не хочет есть...» Каждый вечер одно и то же: «Ешь, Уго, ешь, иначе заболеешь». Потом мне прописали рыбий жир, это был предел всему: тебя пичкают лекарством, возбуждающим аппетит, а в это время другие готовы продать себя с потрохами за кусок мяса. Я из окна видел, как они проходят и несут картинки с надписью: «Дайте хлеба». И я садился за стол. Ешь, Уго, ешь. Ложечку за безработного сторожа, другую за старуху, что собирает картофельные очистки на помойке, третью за семью плотника, который сломал ногу. Я ушел из дома. Вступил в партию, и тут та же песня: «Ты никогда не голодал, Уго, не суй нос не в свое дело. Что ты понимаешь! Тебе никогда не хотелось есть». Согласен, я никогда не голодал. Никогда в жизни! Может, ты скажешь, что мне сделать, чтобы вы меня больше этим не попрекали?

Пауза.

Хёдерер. Слыхали? Так скажите что-нибудь. Научите, что ему делать. Слик! Тебе чего нужно? Чтобы он себе руку отпилит? Или глаз выколлот? Или жену свою тебе подарил? Чем ему заплатить за ваше прощение?

Слик. Мне нечего ему прощать.

Хёдерер. Как же нечего: он вступил в партию не потому, что бедность довела.

Жорж. В этом его никто не упрекает. Просто слишком мы разные. Он вступил в партию так просто, из выпендрежа, сделал красивый жест. А мы не могли иначе.

Хёдерер. А он, думаешь, мог? Не так уж легко смотреть, как вокруг голодают.

Жорж. Некоторые неплохо приспособливаются.

Хёдерер. Тем не хватает воображения. А у нашего паренька его в избытке.

Слик. Ладно, мы не держим зла. Просто он нам как кость в горле. Но все-таки у нас есть право...

Хёдерер. Какое еще право? У вас нет никаких прав. Никаких. «Кость в горле!» Мерзавцы, подите полюбуйтесь на свои рожи в зеркало, а потом, если духу хватит, расскажете мне о своих тонких чувствах. Людей по делам судят. Вам же лучше, если вас я не по поступкам буду судить, вы в последнее время совсем распустились.

Уго. Да не защищайте вы меня! Кто вас просит? Вы же видите, что ничего не поделаешь, я привык. Как только они вошли, я узнал их по ухмылке. Хороши

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosofff.org
они были! Поверьте, они пришли мне отомстить за моего отца и деда, за всю мою семью, которая не знала голода. Говорю вам, я их знаю – они никогда меня не примут, их тысячи, и все глядят на меня с этой ухмылкой. Я боролся, унижался, делал все возможное, чтобы они забыли, твердил, что я их люблю, завидую им, восхищаюсь. Ничего не вышло. Ничегошеньки. Я сынок богатеев, интеллигентик, белоручка. Пусть думают, что угодно. Они правы, нутро у нас разное. Слик и Жорж молча переглядываются.

Хёдерер(охранникам). Ну так как? (Слик и Жорж неуверенно пожимают плечами.) Я не буду с ним осторожничать больше, чем с вами, вы же знаете, я ни для кого не делаю исключений. Он не будет работать руками, но вкалывать ему придется. (С раздражением.) Ладно, хватит об этом.

Слик(решившись). Договорились. (Уго.) Ты мне не нравишься, приятель. Ничего не поделаешь, нам друг к другу не притереться. Но я не желаю тебе зла, и потом мы и вправду погорячились. Постараемся не усложнять тебе жизнь. Порядок?

Уго(вяло). Ладно уж...

Слик. Согласен, Жорж?

Жорж. Приходится соглашаться.

Пауза.

Хёдерер(спокойно). Остается решить вопрос с обыском.

Слик. Да, этот обыск... Ну, теперь...

Жорж. Мы говорили, не подумав.

Слик. Сказанули просто...

Хёдерер(другим тоном). Вас никто не спрашивает. Общете его, если я прикажу. (Уго, обычным тоном.) Я тебе доверяю, малыш, но надо быть реалистом. Если я сделаю для тебя исключение, назавтра потребуются сделать еще одно, а затем всех нас перережут, потому что они махнут рукой на обыск и забудут вывернуть кому-нибудь карманы. Теперь, когда вы помирились, что, если они вежливо попросят тебя не противиться обыску?

Уго. Боюсь, что я не соглашусь.

Хёдерер. Ах, так! (Смотрит на него.) А если я тебя попрошу? (Пауза.) Вижу, у тебя есть принципы. Я тоже могу встать на принцип. Но мои принципы... (Пауза.) Посмотри на меня: у тебя есть оружие?

Уго. Нет.

Хёдерер. А у твоей жены?

Уго. Нет.

Хёдерер. Ладно. Я тебе верю. Вы, двое, свободны.

Жессика. Погодите. (Все оборачиваются.) Уго, на доверие нужно отвечать доверием.

Уго. Что ты сказала?

Жессика. Вы можете нас обыскать.

Уго. Но, Жессика...

Жессика. Что ты хочешь сказать? Они наверняка думают, что ты прячешь револьвер.

Уго. Безумная!

Жессика. Пусть они делают свое дело. Твоего достоинства никто не ущемляет, ведь мы их сами просим.

Жорж и Слик мнутя на пороге, сомневаясь.

Хёдерер. Чего же вы ждете? Вам ясно?

Слик. Мы думали...

Хёдерер. Думать ни к чему, делайте, что велено.

Слик. Ладно. Хорошо.

Жорж. Нечего было огород городить.

Пока они вяло роятся в вещах, Уго с изумлением неотрывно смотрит на Жессику.

Хёдерер(Слику и Жоржу). Это вас научит доверять людям. Я сам всегда всем верю. Всем без исключения. (Обыск продолжается.) Пошевеливайтесь. Обыск должен быть серьезным, ведь вам не шутя предложили его сделать. Слик, загляни под шкаф. Вот так. Вынь костюм. Пощупай его.

Слик. Уже прощупал.

Хёдерер. Еще раз. Поищи под матрасом. Хорошо, Слик, продолжай. А ты, Жорж, поди сюда. (Показывая на Уго.) Обыщи его. Пощупай карманы пиджака. Вот здесь. И брюки тоже. Так. Револьверный кармашек не пропусти. Прекрасно.

Жессика. А меня?

Хёдерер. Если хочешь. Жорж! (Жорж не двигается.) Ты что, боишься?

Жорж. Да нет, не боюсь.

Подходит к Жессике, краснея, прикасается к ней кончиками пальцев. Жессика смеется.

Жессика. У него руки как у камеристки.

Слик подходит к чемодану, в котором был револьвер.

Слик. Чемоданы пустые?

Уго(напряженно). Да.

Хёдерер внимательно на него смотрит.

Хёдерер. И этот тоже пустой?

Уго. Да.

Слик приподнимает чемодан.

Слик. Нет.

Уго. Я не про этот говорю. Этот я как раз собирался разобрать, когда вы пришли.

Хёдерер. Открывай.

Слик открывает чемодан и шарит в нем.

Слик. Ничего нет.

Хёдерер. Достаточно. Убирайтесь.

Слик(Уго). Без обид.

Уго. Без обид.

Жессика(вдогонку). Я навещу вас в вестибюле.

СЦЕНА IV

Жессика, Хёдерер, Уго.

Хёдерер. На твоём месте я бы не увлекался визитами к ним.

Жессика. Почему же? Они такие милашки, особенно Жорж, прямо как девушка.

Хёдерер. Хм! (Идет к ней.) Ты недурна собой, это факт. Жаль, но ничего не поделаешь. При настоящем положении вещей я вижу два возможных выхода. Во-первых, если ты достаточно великодушна, можешь составить наше общее счастье.

Жессика. Я совсем не великодушна.

Хёдерер. Я так и думал. Впрочем, они все равно передерутся. Тогда второй выход: когда твой муж уходит, запирайся и никому не открывай, даже мне.

Жессика. Понятно. Я, если позволите, изберу третий.

Хёдерер. Как хочешь. (Наклоняется над ней и глубоко вдыхает ее запах.) От тебя хорошо пахнет. Не душись этими духами, когда пойдешь их навещать.

Жессика. Я вовсе не душилась.

Хёдерер. Тем хуже. (Идет на середину комнаты и оста навливается. На протяжении всей сцены постоянно осматривается. Похоже, он что-то ищет. Иногда его взгляд останавливается на Уго и он испытывающее на него смотрит.) Ладно. Ну, вот. (Пауза.) Вот так. (Пауза.) Уго, я жду тебя завтра в десять утра.

Уго. Знаю.

Хёдерер(рассеянно, осматриваясь по сторонам). Ладно. Все хорошо. Все хорошо, что хорошо кончается. Станный у вас вид, дети мои, ведь все хорошо. Все помирились, все друг друга любят... (внезапно.) Ты устал, малыш.

Уго. Это неважно.

Хёдерер внимательно на него смотрит. Уго чувствует себя неловко, говорит с усилием.

Я прошу меня простить за... за то, что произошло только что.

Хёдерер(продолжая на него смотреть). Я уже забыл.

Уго. В дальнейшем вам...

Хёдерер. Я тебе сказал называть меня на ты.

Уго. В дальнейшем тебе не придется на меня жаловаться. Я не нарушу дисциплины.

Хёдерер. Слыхали уже. Ты уверен, что со здоровьем у тебя в порядке? (Уго не отвечает.) Если нет, еще не поздно сказать, и я тогда попрошу Комитет кем-нибудь тебя заменить.

Уго. Я здоров.

Хёдерер. Прекрасно. Ну, я вас покидаю. Думаю, вы не прочь остаться вдвоем. (Идет к столу и смотрит книги.) Гегель, Маркс, хорошо. Лорка, Элиот, не знаю.

Перелистывает книги.

Уго. Это поэты.

Хёдерер(смотрит другие книги). Поэзия... поэзия... Много у тебя поэзии. Ты сам сочиняешь стихи?

Уго. Н-нет.

Хёдерер. Ну, значит, раньше сочинял. (Отходит от стола, останавливается перед кроватью.) Халат привез, ничего себе. Ты его прихватил, уходя от отца?

Уго. Да.

Хёдерер. И два костюма тоже, полагаю?

Предлагает ему сигарету.

Уго(отказывается). Спасибо.

Хёдерер. Не куришь? (Отрицательный жест Уго.) Хорошо. В Комитете мне сообщили, что ты никогда не принимал участия в прямой акции. Это правда?

Уго. Правда.

Хёдерер. Тебя, наверное, это терзает. Все интеллигенты мечтают действовать.

Уго. Я занимался газетой.

Хёдерер. Мне сообщили об этом. Я уже два месяца ее не получаю. Предыдущие номера ты подготовил?

Уго. Да.

Хёдерер. Добросовестно сделано. И они решились ради меня пожертвовать таким хорошим редактором?

Уго. Подумали, что тебе я нужнее.

Хёдерер. Очень мило с их стороны. А ты как же? Тебе хотелось поменять работу?

Уго. Да.

Хёдерер. Журнал был твоим делом: ты и рисковал, и брал ответственность на себя, – в каком-то смысле это могло сойти за акцию. (Смотрит на него.) А теперь ты секретарь. (Пауза.) Почему ты ушел из газеты? Почему?

Уго. Я подчиняюсь дисциплине.

Хёдерер. Что ты заладил о дисциплине? Мне подозрительны люди, у которых это

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
слово всегда на языке.

Уго. Мне необходима дисциплина.

Хёдерер. Для чего?

Уго(устало). Я слишком много думаю. Мысли нужно прогнать.

Хёдерер. Какие мысли?

Уго. «Что я здесь делаю? Прав ли я, когда хочу того, чего я хочу? Не комедию ли я ломаю?» В таком роде.

Хёдерер(медленно). В таком вот роде. Итак, сейчас твоя голова полна мыслей?

Уго(смущенно). Нет, сейчас нет. (Пауза.) Но они могут вернуться в любой момент. Я должен защищаться. Заполнить голову другими мыслями. Предписаниями. «Делай так-то. Иди. Стой. Скажи то-то». Мне необходимо повиноваться. Повиноваться, и все тут. Есть, спать, повиноваться.

Хёдерер. Ладно. Если тебе приспичило подчиняться, мы поладим. (Кладет руку ему на плечо.) Послушай... (Уго высвобождается и отскакивает. Хёдерер смотрит на него с возрастающим интересом. Голос его становится резким.) Что? (Пауза.) Ха-ха!

Уго. Я... я не люблю, чтобы меня трогали.

Хёдерер(быстро и резко). Когда они шарили в том чемодане, ты струсил, — почему?

Уго. Я не струсил.

Хёдерер. Нет, струсил. Что там внутри?

Уго. Они ведь посмотрели и ничего не нашли.

Хёдерер. Ничего? Посмотрим. (Идет к чемодану и открывает его.) Они искали оружие. В чемодане можно спрятать оружие и бумаги тоже.

Уго. Или же предметы личного пользования.

Хёдерер. С того момента, как ты поступил ко мне на службу, у тебя нет предметов личного пользования, заруби себе на носу. (Шарит в чемодане.) Рубашки, белье, все новенькое. У тебя, значит, деньги водятся?

Уго. У жены есть деньги.

Хёдерер. Это что за фотографии? (Разглядывает их. Пауза.) Вот оно что! Вот в чем дело! (Рассматривает одну из фотографий.) Бархатный костюмчик. (Рассматривает другую.) Матросский воротник и берет. Какой господинчик!

Уго. Верните фотографии!

Хёдерер. Молчи! (Отталкивает его.) Вот, значит, какие это предметы личного пользования. Ты боялся, как бы они на них не наткнулись.

Уго. Если бы они притронулись своими грязными лапами, если бы разглядывали и ржали...

Хёдерер. Ну вот, все и разъяснилось. У тебя все на лице написано; я бы поклялся, что ты по меньшей мере гранату прячешь. (Рассматривает фотографии.) Ты не изменился. Ножки тоненькие... Конечно, аппетита у тебя не было. Такой крошечный, что тебя на стул поставили; ты скрестил руки и смотришь на всех как наполеончик. Не очень-то тебе весело. Да уж... не позавидуешь богатеньким деткам, изо дня в день все одно. Не годится так начинать жизнь. Зачем тебе повсюду таскать за собой свое прошлое, если ты хочешь с ним покончить? (Уго делает неопределенный жест.) По всему видно, ты часто задумываешься о себе.

Уго. Я вступил в партию, чтобы забыть.

Хёдерер. И ежеминутно напоминаешь себе о том, что нужно забыть. Каждый сам себе хозяин. (Возвращает ему фотографии.) Спрячь хорошенько. (Уго берет их и кладет во внутренний карман пиджака.) До завтра, Уго.

Уго. До завтра.

Хёдерер. До свиданья, Жессика.

Жессика. До свиданья.

На пороге Хёдерер оборачивается.

Хёдерер. Закройте ставни на засов. Неизвестно, кто там бродит по саду. Это приказ. (Уходит.)

СЦЕНА V

Уго, Жессика.

Уго идет к двери и дважды поворачивает ключ в замке.

Жессика. Он, правда, вульгарный. Но галстука в горошек не носит.

Уго. Где револьвер?

Жессика. Как мне было интересно, пчелка. Я впервые видела, как ты сцепился с настоящими мужчинами.

Уго. Жессика, где мой револьвер?

Жессика. Уго, ты не знаешь правил игры – а окно? За нами могут наблюдать снаружи.

Уго закрывает ставни и возвращается к ней.

Уго. Так где он?

Жессика(вынимая револьвер из-за пазухи). Хёдереру следовало бы нанять еще и женщину для обысков. Я предложу свою кандидатуру.

Уго. Когда ты его спрятала?

Жессика. Когда ты пошел открывать этим охотничьим псам.

Уго. Ты нас всех провела. Я было подумал, что ты попала в его западню.

Жессика. Я? Я чуть было не рассмеялась ему в лицо. «Я вам доверяю. Я всем доверяю. Это научит вас доверять людям...» Что он вообразил? Игры в доверие проходят только с настоящими мужчинами.

Уго. Ничего себе!

Жессика. А ты молчи, пчелка. Ты растрогался.

Уго. Я? Когда?

Жессика. Когда он сказал, что доверяет тебе.

Уго. Ничего я не растрогался.

Жессика. Нет, растрогался.

Уго. Нет, не растрогался.

Жессика. Во всяком случае, если ты когда-нибудь оставишь меня наедине с красивым парнем, не говори, что ты мне доверяешь. Предупреждаю, это мне не помешает изменить тебе, если захочется. Совсем наоборот.

Уго. Я совершенно спокоен на этот счет, уйду, не оглядываясь.

Жессика. Думаешь, я такая чувствительная?

Уго. Нет, моя снежная статуя, я верю в твою леденящую холодность. Самый пылкий соблазнитель перед тобой остынет. Он примется ласкать тебя, попытаюсь воспламенить, а ты растаешь у него в руках.

Жессика. Дурак! Я больше не играю. (Очень короткая пауза.) Ты сильно испугался?

Уго. Вот сейчас? Нет. Я до конца не поверил. Я смотрел, как они обшаривают все вокруг, и говорил себе: «Мы ломаем комедию». Ничто и никогда мне не кажется настоящим.

Жессика. Даже я?

Уго. Ты? (Смотрит на нее, затем отводит взгляд.) Скажи, ты тоже перепугалась?

Жессика. Да, когда подумала, что они могут меня обыскать. Тут либо пан, либо пропал. Я была уверена, что Жорж едва ко мне прикоснется, но уж Слик-то вцепился бы как следует. Я боялась не того, что он найдет револьвер, а его рук.

Уго. Не надо мне было впутывать тебя в эту историю.

Жессика. Что ты, напротив, я всегда мечтала стать авантюристкой.

Уго. Жессика, игре конец. Этот тип опасен.

Жессика. Опасен? Для кого?

Уго. Для партии.

Жессика. Для партии? А я думала, он ее руководитель.

Уго. Он один из ее руководителей. Но на поверку он...

Жессика. Только не надо ничего объяснять. Я верю тебе на слово.

Уго. И что же ты думаешь?

Жессика(нараспев). Я думаю, что этот человек опасен, его надо убрать и тебя прислали, чтобы ты его прикон...

Уго. Хватит! (Пауза.) Посмотри на меня. Иногда мне кажется, что ты притворяешься, будто веришь мне, а в действительности не веришь, а в других случаях, что в глубине души ты мне веришь, но делаешь вид, будто не веришь. Как на самом деле?

Жессика(смеясь). Ни то, ни другое.

Уго. Как бы ты поступила, если бы мне потребовалась твоя помощь.

Жессика. А разве я только что тебе не помогла?

Уго. Конечно, любовь моя, но я говорю не о такой помощи.

Жессика. Неблагодарный.

Уго(смотря на нее). Если бы я мог читать твои мысли...

Жессика. Спрашивай.

Уго(пожимая плечами). Господи, наверное, когда убьешь человека, чувствуешь себя тяжелым как камень. В голове у меня, должно быть, будет пустота.

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
(Кричит.) Пустота! (Пауза.) Видела, какой он упругий! Какой живой! (Пауза.)
Это правда, правда! Правда, я его убью – через неделю он будет валяться на
полу с пятью пулями в шкуре. (Пауза.) Вот комедия!

Жессика(смеется). Бедная моя пчелка, если ты хочешь меня убедить, что
станешь убийцей, начни с того, чтобы убедить в этом самого себя.

Уго. У меня не очень убедительный вид?

Жессика. Совсем неубедительный. Ты плохо справляешься с ролью.

Уго. Но я не играю, Жессика.

Жессика. Нет, играешь.

Уго. Нет, это ты играешь. Ты всегда...

Жессика. Нет, ты. К тому же, как ты можешь его убить, когда револьвер у
меня?

Уго. Отдай его мне.

Жессика. Ни за что на свете – он мой по праву. Если бы не я, у тебя бы его
отобрали.

Уго. Отдай револьвер.

Жессика. Не отдам! Я пойду к Хёдереру и скажу ему: я пришла вас
осчастливить, – и когда он поцелует меня...

Уго, который делал вид, что смирился, бросается на нее, и, так же как в
первой сцене, они падают на постель, борются, кричат и хохочут. Уго в конце
концов отнимает у нее револьвер. Она кричит под занавес:

Осторожно! Осторожно! Револьвер может выстрелить!

ЗАНАВЕС

Картина четвертая

Кабинет Хёдерера.

Обстановка строгая, но комфортабельная. Направо письменный стол, в центре
столик, заваленный книгами и бумагами и покрытый ниспадающим до пола
ковром. Слева, в стороне, окно, через которое виден сад. В глубине направо
– дверь; слева от двери – кухонный столик с газовой плиткой. На плитке
кофейник. Разношерстные стулья. Действие происходит во второй половине дня.

Уго один. Приближается к письменному столу, берет хёдереровскую ручку.
Затем подходит к плитке, берет кофейник и глядит на него, насвистывая. Тихо
входит Жессика.

СЦЕНА I

Жессика, Уго.

Жессика. Что это ты делаешь с кофейником?

Уго быстро ставит кофейник на место.

Уго. Жессика, тебе запретили заходить в кабинет.

Жессика. Что ты делал с кофейником?

Уго. А ты что здесь делаешь?

Жессика. Пришла тебя повидать, дорогой.

Уго. Повидала? Теперь уходи. Хёдерер скоро придет.

Жессика. Как я соскучилась по тебе, моя пчелка!

Уго. У меня нет времени на игры, Жессика.

Жессика(осматриваясь). Конечно, ты неправильно все описал. Здесь пахнет табачным пеплом, как в моем детстве в кабинете отца. О запахе-то нетрудно было рассказать.

Уго. Послушай...

Жессика. погоди! (Шарит в кармане своего костюма.) Я пришла, чтобы принести тебе его.

Уго. Кого его?

Жессика(вынимая из кармана револьвер и протягивая его на ладонке Уго). Вот его! Ты забыл.

Уго. Я не забыл, я его никогда не беру с собой.

Жессика. А зря, ты не должен с ним расставаться.

Уго. Жессика, поскольку ты, очевидно, не поняла, говорю тебе прямо: чтоб ноги твоей здесь больше не было. Если тебе приспичило поиграть, играй в саду или в пристройке.

Жессика. Уго, ты говоришь так, как будто мне шесть лет.

Уго. А кто виноват? Это невыносимо: ты посмотреть на меня не можешь, не рассмеявшись. Ничего себе будет картинка, когда нам стукнет по пятьдесят. Хватит – это не более чем привычка, и привычка дурная, твоя и моя. Понимаешь?

Жессика. Прекрасно понимаю.

Уго. Хочешь избавиться от нее?

Жессика. Хочу.

Уго. Прекрасно. Тогда начни с того, чтобы унести этот револьвер.

Жессика. Не могу.

Уго. Жессика!

Жессика. Он твой, и ты должен его забрать.

Уго. Я же сказал, что он мне не нужен.

Жессика. А что мне с ним делать?

Уго. Что угодно, это меня не касается.

Жессика. Ты, значит, хочешь заставить свою жену весь день таскать с собой револьвер?

Уго. Иди домой и положи его в мой чемодан.

Жессика. Но я не хочу идти домой, ты чудовище!

Уго. Не нужно было приносить.

Жессика. А тебе – забывать!

Уго. Говорю тебе, я его не забывал.

Жессика. Ах, не забывал? Значит, Уго, у тебя переменялись планы?

Уго. Замолчи!

Жессика. Уго, посмотри мне в глаза. Изменились твои планы или нет?

Уго. Нет, не изменились.

Жессика. Ты собираешься или нет?..

Уго. Да, собираюсь, но не сегодня.

Жессика. Ах, Уго, миленький, почему же не сегодня? Я так скучаю, прочитала все романы, которые ты мне дал, и не желаю весь день валяться в постели, как одалиска. Так и потолстеть недолго. Чего ты ждешь?

Уго. Жессика, а ты все играешь.

Жессика. Это ты играешь. Вот уже десять дней ты принимаешь важный вид, чтобы произвести на меня впечатление, а он все еще жив. Если это игра, то она затянулась. Мы и говорить-то вынуждены шепотом, чтобы нас не подслушали, и мне приходится терпеть, когда ты капризничаешь как беременная женщина.

Уго. Ты прекрасно знаешь, что это не игра.

Жессика(сухо). Тогда еще хуже: ненавижу людей, которые не делают того, что задумали. Если ты хочешь, чтобы я тебе верила, сегодня же покончи с этим.

Уго. Сегодня не выйдет.

Жессика(обычным голосом). Вот видишь!

Уго. Какая ты навязчивая! К нему сегодня придут.

Жессика. Сколько народу?

Уго. Двое.

Жессика. Убей их тоже.

Уго. Нет ничего более неуместного, чем человек, продолжающий играть, когда другим надоело. Я совсем не прошу тебя мне помогать. Боже упаси! Я только хочу, чтобы ты мне не мешала.

Жессика. Хорошо же. Делай, что хочешь, если уж ты решил, что я должна существовать вне твоей жизни. Только заberi револьвер, он мне карман оттягивает.

Уго. Если заберу, ты уйдешь?

Жессика. Возьми сначала.

Уго берет револьвер и кладет его в карман.

Уго. Теперь уходи.

Жессика. Минутку! Имею я право осмотреть рабочее место моего мужа? (Подходит к письменному столу Хедерера. Указывая на него.) Кто здесь сидит? Он или ты?

Уго(неохотно). Он. (Показывая на второй стол.) Я работаю за этим столом.

Жессика(не слушая его). Это его почерк? (Берет листок с письменного стола.)

Уго. Да.

Жессика(сильно заинтересовавшись). Вот как!

Уго. Положи.

Жессика. Ты заметил, какой странный почерк? Он каждую букву пишет отдельно.

Уго. Ну и что?

Жессика. Как ну и что? Это очень важно.

Уго. Для кого?

Жессика. Для того, кто хочет узнать его характер. Нужно же знать, кого убиваешь. А какой зазор он оставляет между словами! Каждая буква как островок, а слово – архипелаг. Это что-нибудь да значит.

Уго. Что?

Жессика. Не знаю. Как обидно: здесь все можно прочитать – и его детские воспоминания, и про женщин, которые у него были, и как он влюбляется, а я читать не умею... Уго, купи мне книгу по графологии, я чувствую, что я очень способная.

Уго. Куплю, если сейчас же уйдешь.

Жессика. А это, кажется, табурет для игры на фортепьяно?

Уго. Он самый.

Жессика(садится на табурет и кружится). Как хорошо! Значит, он усаживается, закуривает, начинает говорить и крутится на табурете.

Уго. Да.

Жессика вынимает пробку из графина, стоящего на письменном столе, и нюхает содержимое.

Жессика. Он пьет?

Уго. Как сапожник.

Жессика. Во время работы?

Уго. Да.

Жессика. И никогда не напивается?

Уго. Никогда.

Жессика. Надеюсь, ты не пьешь, когда он тебе предлагает, ты же не выносишь спиртного.

Уго. Не изображай из себя старшую сестрицу; я прекрасно знаю, что не переношу ни алкоголя, ни табака, ни горячего, ни холодного, ни сырого, ни запаха сена, ни чего-либо другого.

Жессика(медленно). Он говорит, курит, пьет, крутится на табурете...

Уго. Да, а я...

Жессика(заметив плитку). А это что? Он сам себе готовит?

Уго. Да.

Жессика(смеется). Зачем? Я могу ему готовить, я же готовлю для тебя, он мог бы обедать с нами.

Уго. У тебя так хорошо не получится, и потом ему это, кажется, нравится. Утром он варит нам кофе. Прекрасный контрабандный кофе.

Жессика(показывая на кофейник). Здесь?

Уго. Да.

Жессика. Этот кофейник ты держал в руках, когда я вошла?

Уго. Этот.

Жессика. А зачем ты его взял? Ты искал что-нибудь?

Уго. Не знаю. (Пауза.) Когда он к нему прикасается, тот обретает реальность. (Берет кофейник.) Все, к чему он прикасается, становится реальным. Он разливает кофе в чашки, я пью, смотрю, как он пьет, и чувствую, что он ощущает истинный вкус кофе. (Пауза.) И этот подлинный вкус исчезает, и настоящее тепло, и свет. Только вот это остается. (Показывает на кофейник.)

Жессика. Что - это?

Уго(широким жестом обводя комнату). Все это ложное. (Ставит кофейник на место.) Я живу в декорации. (Задумывается.)

Жессика. Уго!

Уго(вздрагивая). Да?

Жессика. Запах табака исчезнет, когда он умрет. (Внезапно.) Не убивай его.

Уго. Значит, ты веришь, что я его все-таки убью? Отвечай! Веришь?

Жессика. Не знаю. Вокруг так спокойно. И пахнет как в моем детстве. Ничего не случится! Не может ничего случиться, ты смеешься надо мной.

Уго. Вот он идет. Лезь в окно. (Ташит ее к окну.)

Жессика(сопротивляясь). Я хочу на вас посмотреть, когда вы одни.

Уго(таща ее). Быстрее!

Жессика(скороговоркой). В отцовском кабинете я забиралась под стол и часами смотрела, как отец работает. (Уго левой рукой открывает окно. Жессика вырывается и залезает под стол. Входит Хёдерер.)

СЦЕНА II

Те же и Хёдерер.

Хёдерер. Что это ты там делаешь?

Жессика. Прячусь.

Хёдерер. Зачем?

Жессика. Я хотела посмотреть, какие вы, когда одни.

Хёдерер. Не вышло. (Уго.) кто ее впустил?

Уго. Не знаю.

Хёдерер. Это твоя жена, тебе и смотреть за ней.

Жессика. Бедная пчелка, он тебя принимает за моего мужа.

Хёдерер. А он тебе не муж?

Жессика. Нет, он мой братик.

Хёдерер(Уго). Она тебя не уважает.

Уго. Да, не уважает.

Хёдерер. Зачем ты на ней женился?

Уго. Потому что она меня не уважала.

Хёдерер. Члены партии обычно женятся на своих партийных товарищах.

Жессика. Почему?

Хёдерер. Так проще.

Жессика. А как вы узнали, что я не член партии?

Хёдерер. Нетрудно догадаться. (Смотрит на нее.) Ты ничего не умеешь, кроме как любовью заниматься...

Жессика. Даже этого не умею. (Пауза.) Как вы думаете, мне стоит вступить в партию?

Хёдерер. Как знаешь, все равно не поможет.

Жессика. А кто виноват?

Хёдерер. Мне откуда знать? Думаю, ты, как и все, наполовину жертва, наполовину сообщница.

Жессика(внезапно с силой). Ничья я не сообщница. Мной распорядились, не спросив моего мнения.

Хёдерер. Бывает. Во всяком случае, вопросы эмансипации женщин меня не увлекают.

Жессика(показывая на Уго). Как вам кажется, я приношу ему вред?

Хёдерер. Ты пришла, чтобы задать мне этот вопрос?

Жессика. А почему бы и нет?

Хёдерер. Думаю, что ты для него предмет роскоши. Буржуйские сынки, приходя к нам, обычно приносят с собой на память о прошлом что-нибудь из прежней роскоши. Одни – свободомыслие, другие – булавку для галстука. Этот привел жену.

Жессика. Так оно и есть. А вам, конечно, роскошь ни к чему.

Хёдерер. Конечно, ни к чему. (Смотрят друг на друга.) Давай, уходи и больше не возвращайся.

Жессика. Хорошо. Оставляю вашу мужскую компанию. (Выходит с достоинством.)

СЦЕНА III

Уго, Хёдерер.

Хёдерер. Ты к ней привязан?

Уго. Разумеется.

Хёдерер. Тогда запрети ей сюда приходить. Когда мне приходится выбирать между мужиком и бабой, я выбираю мужика. Однако не следует усложнять мне выбор.

Уго. Кто вас просит выбирать?

Хёдерер. Неважно, все равно я выбрал тебя.

Уго(смеясь). Вы не знаете Жессики.

Хёдерер. Очень может быть. Тем лучше. (Пауза.) Все же скажи ей, чтобы не приходила больше. (Внезапно.) Который час?

Уго. Десять минут пятого.

Хёдерер. Они опаздывают. (Идет к окну, смотрит на улицу, возвращается.)

Уго. Диктовать будете?

Хёдерер. Не сегодня. (Уго встает.) Нет, останься. Сейчас десять минут пятого?

Уго. Да.

Хёдерер. Не придут - пожалеют.

Уго. А кого вы ждете?

Хёдерер. Увидишь. Людей твоего круга. (Делает несколько шагов.) Не люблю ждать. (Подходит к Уго.) Если они придут, дело сделано, но если они в последний момент сдрейфили, придется все начинать с нуля. У меня может не хватить времени. Сколько тебе лет?

Уго. Двадцать один.

Хёдерер. У тебя время есть.

Уго. Да вы тоже не старик.

Хёдерер. Не старик, да. Но я под прицелом. (Показывает на сад.) По ту сторону забора некие людишки день и ночь только тем и озабочены, как бы меня убрать. А поскольку я не могу все время думать о том, как бы уцелеть, они в конце концов до меня доберутся.

Уго. Откуда вы это взяли?

Хёдерер. Знаю я их. Они вполне последовательны.

Уго. Вы их знаете?

Хёдерер. Да. Слышишь шум мотора?

Уго. Нет. (Прислушивается.) Не слышу.

Хёдерер. Подходящий момент для кого-нибудь, чтобы перелезть через забор. Он бы не промахнулся.

Уго(медленно). Да, момент подходящий.

Хёдерер(смотря на него). Понимаешь, им было бы лучше, если бы я не успел принять этих посетителей. (Идет к столу и наливает себе стакан.) Будешь?

Уго. Нет. (Пауза.) Вы боитесь?

Хёдерер. Чего?

Уго. Смерти.

Хёдерер. Нет, но мне надо спешить. Все время теперь спешу. Раньше я терпеливо ждал. А сейчас больше не могу.

Уго. Как вы, должно быть, их ненавидите.

Хёдерер. Почему? У меня нет принципиальных возражений против политического убийства. Такое случается в любой партии.

Уго. Дайте выпить.

Хёдерер(удивленно). Пей. (Берет графин и наливает ему. Уго пьет, не отрывая от него взгляда.) Что это с тобой? Никогда меня не видел?

Уго. Да, не видел никогда.

Хёдерер. Я для тебя лишь этап, верно. Это в порядке вещей. Ты смотришь на меня с высоты своего будущего и говоришь себе: «Я проведу у этого типа два-три года, а когда он подохнет, займусь чем-нибудь другим...»

Уго. Не знаю, удастся ли заняться чем-нибудь другим.

Хёдерер. Лет через двадцать будешь рассказывать приятелям: «В те времена я был секретарем Хёдерера». Через двадцать лет. Забавно!

Уго. Через двадцать лет...

Хёдерер. Почему бы и нет?

Уго. Еще долго.

Хёдерер. Разве? У тебя что, чахотка?

Уго. Нет. Налейте еще немножко. (Хёдерер наливает.) Я никогда не думал, что доживу до старости. Я тоже спешу.

Хёдерер. Ты - другое дело.

Уго. Нет. (Пауза.) Иногда я готов руку дать на отсечение, чтобы поскорей стать мужчиной, а иногда мне кажется, что я не хочу пережить свою молодость.

Хёдерер. Не знаю, что это такое.

Уго. О чем вы?

Хёдерер. О молодости - я не знаю, что это. Я из детства сразу перескочил в зрелость.

Уго. Да, это буржуазная хвороба. (Смеется.) Многие от нее умирают.

Хёдерер. Хочешь, я помогу тебе?

Уго. Как это?

Хёдерер. Ты, видать, не по той дорожке пошел. Хочешь, помогу?

Уго(вздвогнув). Только не вы! (Быстро овладевает собой.) Мне никто не поможет.

Хёдерер(идет к нему). Послушай, малыш... (Останавливается и прислушивается.) Приехали. (Подходит к окну.) Высокий - это Карский, секретарь Пентагона. Толстяк - принц Поль.

Уго. Сын регента?

Хёдерер. Да. (Выражение лица его изменилось. Теперь у него безразличный, строгий и уверенный вид.) Хватит тебе пить. Дай мне стакан. (Выплескивает остаток в окно.) Садись, слушай, о чем мы будем говорить, и, когда я подам знак, начнешь записывать. (Закрывает окно и садится за свой стол.)

СЦЕНА IV

Те же. Карский, принц Поль, Слик, Жорж.

Посетители входят, их подталкивают автоматами Слик и Жорж.

Карский. Я Карский.

Хёдерер(не вставая). Я узнал вас.

Карский. Вы знаете, кто это со мной?

Хёдерер. Знаю.

Карский. Отшлите ваших горилл.

Хёдерер. Порядок, парни. Проваливайте.

Слик и Жорж уходят.

Карский(иронически). Хорошая у вас охрана.

Хёдерер. Если бы я не принимал некоторых мер предосторожности, то не имел бы удовольствия с вами встретиться.

Карский(поворачиваясь к Уго). А это кто?

Хёдерер. Мой секретарь. Он останется с нами.

Карский(подходя к Уго). Вы Уго Барин? (Уго не отвечает.) Вы что, с ним заодно?

Уго. Да.

Карский. На прошлой неделе я видел вашего отца. Вас интересует, как он живет?

Уго. Нет.

Карский. Не исключено, что вы будете виновником его смерти.

Уго. Насколько я понимаю, он виновник моего появления на свет. Мы с ним квиты.

Карский(не повышая голоса). Никчемный вы человек.

Уго. Скажите...

Хёдерер. Замолчи ты! (Карскому.) Вы не для того пришли сюда, чтобы задирать моего секретаря. Садитесь, прошу вас. (Садятся.) Коньяк?

Карский. Спасибо.

Принц. И мне, пожалуйста.

Хёдерер наливает обоим.

Карский. Перед нами знаменитый Хёдерер. (Смотрит на него.) Позавчера ваши люди опять стреляли в наших.

Хёдерер. Почему?

Карский. У нас в одном гараже склад оружия, и ваши вознамерились его захватить, только и всего.

Хёдерер. Ну и как, удалось?

Карский. Да.

Хёдерер. Неплохо сработано.

Карский. Гордиться тут нечем. Их было десять против одного.

Хёдерер. Когда хочешь одержать верх, лучше быть вдесятером против одного, так вернее.

Карский. Не будем продолжать эту дискуссию; боюсь, нам не договориться, мы не одной крови.

Хёдерер. Мы одной крови, но принадлежим к разным классам.

Принц. Господа, не поговорить ли нам о деле?

Хёдерер. Разумеется. Я вас слушаю.

Карский. Нет, это мы вас слушаем.

Хёдерер. Это какое-то недоразумение.

Карский. Возможно. Если бы я не предполагал, что у вас есть к нам определенные предложения, я бы не пришел.

Хёдерер. Я ничего не могу вам предложить.

Карский. Лучше не придумаешь? (Встает.)

Принц. Господа, прошу вас. Сядьте, Карский. Вы не с того начали. Разве нельзя смягчить тон нашей беседы?

Карский. Смягчить? Вы что, не заметили, как он смотрел, когда двое его псов толкали нас в спину своими пушками? Эти люди нас ненавидят. По вашему настоянию я согласился на эту встречу, но уверен, что из нее ничего хорошего не выйдет.

Принц. В прошлом году. Карский, вы дважды устраивали покушения на моего отца, и все же я согласился на встречу с вами. Может, у нас нет причин так уж любить друг друга, но при чем тут чувства, когда речь идет об интересах нации. (Пауза.) Получается, впрочем, что эти интересы мы понимаем по-разному. Вы, Хёдерер, являетесь исключительным выразителем законных требований рабочего класса. Мой отец и я всегда благосклонно относились к этим требованиям, но по причине тревожного положения в Германии были вынуждены придавать им второстепенное значение, ибо мы осознали, что первоочередным нашим долгом является сохранение независимости территории хотя бы и за счет непопулярных мер.

Хёдерер. Вы имеете в виду объявление войны Советскому Союзу?

Принц(продолжает). Карский и его единомышленники со своей стороны не разделяют нашу точку зрения на внешнюю политику или недооценивают того, что Иллирия в глазах заграницы должна предстать объединенной и мощной, как один народ с одним вожаком, — короче, они создали подпольную оппозиционную партию. И получилось, что людям одинаково честным, одинаково преданным своей родине пришлось разойтись из-за неодинакового понимания своего долга. (Хёдерер грубо смеется.) Вы хотели что-то сказать?

Хёдерер. Ничего. Продолжайте.

Принц. Сейчас наши позиции сблизилась и по всему видно, что каждый из нас приобрел более широкий взгляд на вещи. Мой отец не хочет продолжать бесполезную и разорительную войну. Разумеется, мы не вправе заключать сепаратный мир, но я могу вам гарантировать, что военные действия будут вестись без особого усердия. Карский со своей стороны считает, что междоусобица лишь наносит вред нашей стране и мы все хотим способствовать установлению мира в будущем, прибегнув сегодня к национальному объединению. Конечно, подобный союз не может быть осуществлен открыто, не вызвав подозрения со стороны Германии, но он может состояться на уровне существующих подпольных организаций.

Хёдерер. Дальше.

Принц. Это все. Мы с Карским хотели сообщить вам радостную новость о нашем принципиальном соглашении.

Хёдерер. А мне какое до этого дело?

Карский. Послушайте, мы с ним попусту время теряем.

Принц(продолжает). Само собой разумеется, что союз этот должен стремиться к тому, чтобы стать всеобъемлющим. Если пролетарская партия изъявит желание присоединиться к нам...

Хёдерер. Что вы предлагаете?

Карский. Два голоса для вашей партии в подпольном национальном комитете, который мы создали.

Хёдерер. Два голоса из скольких?

Карский. Из двенадцати.

Хёдерер(изображая вежливое удивление). Два голоса из двенадцати?

Карский. Регент делегирует четверых своих советников, шесть остальных голосов получит Пентагон. Будет избран президент.

Хёдерер(насмешливо). Два голоса из двенадцати!

Карский. Пентагон объединяет большую часть крестьянства, или пятьдесят семь процентов населения, а также почти всех представителей буржуазии. Пролетариат же составляет от силы двадцать процентов населения, к тому же он не весь на вашей стороне.

Хёдерер. Ну и что же?

Карский. Мы перегруппируемся и сольемся на основе наших двух подпольных организаций. Ваши люди войдут в наше пентагоновское объединение.

Хёдерер. Вы хотите сказать, что наши войска будут поглощены Пентагоном?

Карский. Это наилучшая формула для примирения.

Хёдерер. Действительно: примирение путем поглощения одного противника другим. Конечно, после этого совершенно логично предложить нам всего два голоса в Центральном Комитете. Даже слишком щедро - ведь эти два голоса не будут никого представлять.

Карский. Вы не обязаны соглашаться.

Принц(торопливо). Но если вы согласитесь, правительство, разумеется, будет готово отменить законы тридцать девятого года о прессе, профсоюзах и рабочей карточке.

Хёдерер. Соблазнительно! (Стучит по столу.) Итак, мы познакомились, теперь пора переходить к делу. Вот мои условия: число членов руководящего комитета сокращается до шести. Пролетарская партия получает три голоса, остальные три вы распределяете между собой по своему усмотрению. Подпольные организации будут, как и теперь, совершенно обособлены и смогут предпринять совместные действия лишь по решению ЦК. Решайте.

Карский. Это шутка?

Хёдерер. Вы не обязаны соглашаться.

Карский(Принцу). Теперь вы видите, что с этими людьми невозможно договориться. Две трети населения страны на нашей стороне, у нас есть деньги, оружие, военизированные подразделения, к тому же, благодаря нашим мученикам, у нас моральное превосходство - и вот горстка нищих без зазрения совести требует большинства в ЦК.

Хёдерер. Так как? Вы согласны?

Карский. Нет. Обойдемся без вас.

Хёдерер. Тогда убирайтесь. (Карский недолго колеблется, затем идет к

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
выходу. Принц не встает с места.) Посмотрите на Принца, Карский, он
посообразительней, он уже понял.

Принц(Карскому, мягко). Не следует, не подумав, отвергать это предложение.

Карский(резко). Это не предложение, это абсурдное требование, которое я
отказываюсь обсуждать. (Он, однако, не уходит.)

Хёдерер. В сорок втором полиция преследовала и ваших, и наших, вы
организовывали покушения на регента, а мы саботировали выпуск военной
продукции. Когда пентагоновец сталкивался с кем-нибудь из наших, один из
них обязательно бывал убит на месте. А сейчас вы вдруг вообразили, что все
мы должны по-братски обняться. С какой стати?

Принц. Для блага партии.

Хёдерер. А разве понятие «благо партии» изменилось с сорок второго?
(Пауза.) Может, это произошло потому, что русские побии Паулюса под
Сталинградом, а немцы вот-вот проиграют войну?

Принц. Никто не оспаривает того факта, что по мере углубления конфликта
создается новая ситуация. Но я не понимаю...

Хёдерер. Полагаю, вы прекрасно все понимаете... Я не сомневаюсь в том, что
вы хотите спасти Иллирию. Но спасти такой, какова она сейчас, сохранив
режим социального неравенства и классовые привилегии. Пока немцы побеждали,
ваш отец был на их стороне. Теперь, когда положение дел изменилось, он
пытается наладить отношения с русскими. Это непросто.

Карский. Хёдерер, в борьбе с немцами сложили головы многие из наших, и я не
позволю вам утверждать, будто мы вступили в сговор с врагом, чтобы
сохранить наши привилегии.

Хёдерер. Знаю, Карский, Пентагон состоял сплошь из германофобов. Вы были в
выигрышном положении: регент выслуживался перед Гитлером, чтобы помешать
ему оккупировать Иллирию. Вы были и русофобами, поскольку русские были
далеко. Иллирия, одна только Иллирия, - старая песня. В течение двух лет вы
ее пели националистами чешки настроенной буржуазии. Но русские на подходе;
они будут здесь меньше чем через год, и Иллирия не останется в одиночестве.
Как же быть? Нужно получить гарантии. Хорошо бы им сказать: Пентагон всегда
работал на вас и регент играл двойную игру. Однако они не обязаны вам
верить. Что им делать? А? Что? Ведь это мы объявили им войну.

Принц. Дорогой Хёдерер, когда СССР поймет, что мы искренне...

Хёдерер. Когда СССР поймет, что со всей искренностью его победе
способствовали фашистский диктатор и партия консерваторов, не думаю, что он
сразу же станет их лучшим другом. (Пауза.) Есть лишь одна партия,
пользующаяся по-прежнему доверием СССР, единственная, которая за всю войну
была с ним в постоянном контакте; она одна может заслать своих эмиссаров за
линию фронта и обеспечить вашу комбинацию. Это наша партия. Когда русские
придут, они будут на все смотреть нашими глазами. (Пауза.) Из этого
следует, что вы должны следовать нашим указаниям.

Карский. Я не должен был приходить.

Принц. Карский!

Карский. Можно было догадаться, что на честные предложения вы ответите
бесстыдным шантажом.

Хёдерер. Кричите на здоровье, меня этим не возьмешь. Визжите как свинья
недорезанная. Но запомните: когда советские войска будут на нашей
территории, мы возьмем власть вместе, вы и мы, если будем сотрудничать; но
если мы не договоримся, к концу войны моя партия одна придет к власти. Пора
сделать выбор.

Карский. Я...

Принц(Карскому). Исступление сейчас неуместно, надо реально оценивать
ситуацию.

Карский(Принцу). Вы трус, вы заманили меня в западню, чтобы спасти свою шкуру.

Хёдерер. Какую западню? Уходите, если хотите. Мы и без вас с Принцем поладим.

Карский(Принцу). Вы не посмеете...

Принц. Почему бы и нет? Если такая комбинация вам не по вкусу, никто вас не заставляет участвовать в ней; мое решение от вашего не зависит.

Хёдерер. Разумеется, союз нашей партии с правительством регента поставит Пентагон в трудное положение в последние месяцы войны; само собой, мы его сразу разгоним, когда побьем немцев. Но поскольку вы не хотите запачкать рук...

Карский. Три года мы боролись за независимость нашей страны, тысячи молодых людей отдали жизнь за наше дело, мы заставили всех уважать нас, и все это для того, чтобы в один прекрасный день германская партия спуталась с русскими и напала на нас из-за угла.

Хёдерер. Оставьте сантименты, Карский. Вы проиграли потому, что должны были проиграть. «Иллирия, одна только Иллирия...» – дурной лозунг, он не защитит крошечную страну, окруженную могущественными соседями. (Пауза.) Вы принимаете мои условия?

Карский. Я не уполномочен ничего решать единолично.

Хёдерер. Я тороплюсь. Карский.

Принц. Дорогой Хёдерер, может, мы дадим ему возможность поразмыслить; война еще не кончена и вряд ли ей придет конец в ближайшее время.

Хёдерер. Но я не могу ждать. Может, мне придет конец в ближайшее время. Карский, я вам доверяю. Я всегда доверяю людям – это мой принцип. Знаю, вам нужно посоветоваться с вашими, но я уверен, что вы их убедите. Если вы дадите мне принципиальное согласие, завтра я поговорю с товарищами по партии.

Уго(вскакивая). Хёдерер!

Хёдерер. Чего тебе?

Уго. Как вы смеете?

Хёдерер. Молчать!

Уго. Вы не имеете права. Как же это... Господи! Ведь это те же самые. Те, кто приходил к моему отцу... Те же пустые и угрюмые лица... Они и здесь меня настигли. Вы не имеете права, они все вокруг заполонят, все отравят, они сильнее всех...

Хёдерер. Да замолчи же!

Уго. Послушайте, вы оба! Партия не поддержит его махинации. Не рассчитывайте, что он вас прикроет, партия не на его стороне.

Хёдерер(спокойно, двум другим). Не придавайте этому значения. Чисто личная реакция.

Принц. Понятно, но его крики утомительны. Нельзя ли попросить ваших телохранителей вывести этого молодого человека?

Хёдерер. Зачем же? Он сам выйдет. (Встает и идет к Уго.)

Уго(отступая). Не трогайте меня. (Засовывает руку в карман, где спрятан револьвер.) Вы не хотите меня выслушать? Не хотите слушать меня?

В этот момент раздается сильный взрыв, вылетают стекла, выпадает оконная

рама.

Хёдерер. Ложись!

Хватает Уго за плечи и кидает его на землю. Остальные бросаются ничком.

СЦЕНА V

Те же; Леон, Слик, Жорж вбегают. Затем-Жессика.

Слик. Ты ранен?

Хёдерер(поднимаясь). Нет. Кто-нибудь ранен? (Карскому, который встает.) У вас кровь!

Карский. Ничего страшного. Осколки стекла.

Жорж. Граната?

Хёдерер. Граната или бомба. Промашка вышла. Обыщите сад.

Уго(повернувшись к окну, про себя). Подонки! Подонки!

Леон и Жорж прыгают в окно.

Хёдерер(Принцу). Я ожидал чего-нибудь подобного, но сожалею, что они выбрали именно этот момент.

Принц. Пустяки! Это смахивает на дворец моего отца. Карский! Это дело рук ваших людей?

Карский. Вы с ума сошли?

Хёдерер. Это меня хотели убить, и никого другого. (Карскому.) Видите, стоит все-таки принимать меры предосторожности. (Смотрит на него.) У вас сильно идет кровь.

Вбегает запыхавшаяся Жессика.

Жессика. Хёдерер убит?

Хёдерер. С вашим мужем ничего не случилось. (Карскому.) Леон проводит вас в мою комнату и перевязывает, а затем мы продолжим беседу.

Слик. Вам всем надо подняться вверх, они могут опять приняться за свое. Поговорите, пока Леон будет делать перевязку.

Хёдерер. Ладно.

Жорж и Леон влезают в окно.

Ну и что?

Жорж. Бомба. Они забросили ее в сад и драпанули. Весь удар пришелся на стену.

Уго. Подонки.

Хёдерер. Пойдемте вверх. (Направляется к выходу. Уго идет за ними.) Ты останешься здесь.

Смотрят друг на друга. Затем Хёдерер отворачивается и уходит.

СЦЕНА VI

Уго, Жессика, Жорж и Слик.

Уго(сквозь зубы). Подонки.

Слик. Чего?

Уго. Люди, бросившие бомбу, подонки. (Наливает себе стакан.)

Слик. Нервишки шалят?

Уго. Да нет.

Слик. Ничего страшного. Это боевое крещение. Привыкнешь.

Жорж. Со временем тебе даже понравится. Скажи, Слик?

Слик. Отвлекаешься, рассеиваешься, ноги разминаешь.

Уго. Я не нервничаю, я злюсь. (Выпивает.)

Жессика. На кого, пчелка?

Уго. На подонков, которые бросили бомбу.

Слик. Везет же, мы уже давно не злимся.

Жорж. Это наш хлеб; если бы не они, нас бы здесь не было.

Уго. Видишь, все спокойно, все довольны. У него текла кровь, как из недорезанной свиньи, а он повторял: «Ничего страшного». Они храбрые. Это законченные и отпетые сукины дети, но храбрости у них не отнимешь, и ты не можешь их окончательно презирать. (Грустно.) Вот загадка. Достоинства и пороки распределены несправедливо.

Жессика. Ты не трус, любовь моя.

Уго. Я не трус, но и не храбрец. Слишком я беспокойный. Хотел бы я уснуть и во сне быть Сликом. Посмотри-ка на него: стокилограммовая туша, а мозг с орешек, как у кита. Этот орешек посылает с высоты сигналы страха и гнева, но они теряются в мускульной массе. Ему только щекотно.

Слик(смеясь). Слыхал?

Жорж(смеясь). А он прав.

Уго пьет.

Жессика. Уго!

Уго. А?

Жессика. Хватит пить.

Уго. Почему? Что мне еще делать? Меня уволили.

Жессика. Хёдерер тебя уволил?

Уго. Хёдерер? Почему Хёдерер? Думай что хочешь о Хёдерере, но этот человек мне поверил. А ведь не все мне верят. (Пьет. Идет к Сличу.) Бывает, тебе поручили деликатное дело, ты из кожи вон лезешь, чтобы его выполнить, а

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
затем, когда все на мази, оказывается, что над тобой подшутили и настоящее дело поручено другим.

Жессика. Замолчи! Зачем им знать о наших семейных дрызгах?

Уго. Семейных дрызгах? Ха! (Расплывается в улыбке.) Вот женщина!

Жессика. Это он обо мне. Он уже два года меня попрекает, что я ему недостаточно доверяю.

Уго(Слику). Вот голова, правда? (Жессике.) Да, ты мне не доверяешь. Или доверяешь?

Жессика. По крайней мере, не сейчас.

Уго. Мне никто не доверяет. Может, я физиономией не вышел. Скажи, что ты меня любишь.

Жессика. Не при них.

Слик. Да не обращайтесь на нас внимания.

Уго. Она меня не любит. Она не знает, что такое любовь. Она ангел. Соляной столб.

Слик. Соляной столб?

Уго. Нет, я хотел сказать, ледяная статуя. Приласкай ее, она растает.

Жорж. Брешь!

Жессика. Пошли домой, Уго.

Уго. погоди, я дам Слику один совет. Нравится он мне, Слик, я его люблю, потому что он сильный и ни о чем не думает. Хочешь совет, Слик?

Слик. Валяй, куда денешься.

Уго. Слушай, не женись слишком рано.

Слик. За меня не беспокойся.

Уго(который начинает пьянеть). Нет, послушай: не женись молодым. Понимаешь, о чем я? Не женись слишком рано. Не бери на себя то, что тебе не по силам. Иначе потом не развяжешься. Все так запутано. Может, вы заметили, молодым быть нелегко. (Смеется.) Деликатное дело. Что тут деликатного, скажи на милость!

Жорж. Какое такое дело?

Уго. Ага! Мне дали одно поручение.

Жорж. Какое?

Уго. Они хотят заставить меня разговориться, но попусту теряют время. Я непроницаем. (Смотрится в зеркало.) Непроницаем! Лицо, начисто лишенное выражения. Лицо как у всех. А ведь все должно быть написано на лице, боже ты мой. Все без исключения.

Жорж. О чем ты?

Уго. О моем деликатном поручении.

Жорж. Слик?

Слик. Хм...

Жессика(спокойно). Не ломайте себе голову. Он хочет сказать, что я жду ребенка. И он смотрится в зеркало, чтобы понять, похож ли на отца семейства.

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosofff.org

Уго. Вот оно! Отец семейства! Точно. В точку попала. Я – отец семейства. Мы с ней понимаем друг друга с полуслова. Непроницаемый вид. А должно быть видно, что я... будущий отец семейства. По какому-нибудь признаку. По выражению лица. По биению сердца. (Пьет.) А Хедерера мне жаль. Говорю вам, он бы мог мне помочь. (Смеется.) Скажите на милость, они там наверху болтают, а Леон обманывает противную рожу Карского. А вы все дубины. Стреляйте в меня.

Слик(Жессике). Пареньку не надо было пить.

Жорж. Он не умеет.

Уго. Говорю, стреляйте. Делайте свое дело. Послушайте: отец семейства никогда не бывает настоящим отцом семейства, а убийца – настоящим убийцей. Это игра, понимаете? А вот мертвец – всегда настоящий. Быть или не быть, слышали? Вы же меня понимаете. Я могу быть только мертвецом, владельцем трех аршинов земли. А остальное – все комедия. (Внезапно останавливается.) И это комедия. Все эти разговоры. Все, что я говорю. Может, вы решили, что я отчаялся? Отнюдь нет – я разыгрываю отчаяние. Как тут остановишься?

Жессика. Может, пойдём?

Уго. Погоди. Нет. Не знаю... как бы решить, хочу я или нет?

Жессика(наливая стакан). Тогда выпей.

Уго. Ладно. (Пьет.)

Слик. Вы что, спить его решили?

Жессика. Так он скорее уgomонится. Надо чуть-чуть подождать.

Уго выпивает стакан. Жессика вновь его наполняет.

Уго(опьянел). О чем это я? Об убийстве. Мы с Жессикой знаем, что это такое. Дело в том, что внутренний голос не умолкает. (Стучит себя по лбу.) А мне нужна тишина. (Слику.) У тебя, небось, в голове спокойно – ни звука, черная ночь. Что это вы забегали? Не смейтесь, я знаю, что я надрался и что я вам противен. Скажу одно: никому не пожелаю быть в моей шкуре. Нет- нет. Плохая у меня шкура. Да не крутитесь вы! Главное, поджечь фитиль. Кажется, что это очень просто, но я никому не пожелаю. Фитиль, в нем все дело. Поджечь фитиль. И все подорвутся, и я вместе со всеми, алиби не понадобится – тишина и спокойствие. Если только мертвецы не ломают комедию. Подумайте, вдруг ты умер и узнал, что мертвецы-то на поверку живые и только притворяются мертвыми. Помрем – увидим. Вот только фитиль нужно поджечь. Это психологически важно. (Смеется.) Не кружитесь вы так, ради бога. Я тогда тоже покружусь. (Пытается кружиться и падает на стул.) Вот плоды буржуазного воспитания.

У Уго болтается голова. Жессика подходит и смотрит на него.

Жессика. Довольно. Помогите мне отнести его в постель.

Слик смотрит на нее и чешет в затылке.

Слик. Разболтался ваш муженек.

Жессика(смеясь). Вы его еще не знаете. Все, что он мелет, не имеет никакого значения.

Слик и Жорж поднимают его за плечи и за ноги.

ЗАНАВЕС

Картина пятая

В пристройке.

Уго лежит в постели, под одеялом, полностью одетый. Он спит беспокойно и стонет во сне. У изголовья неподвижно сидит Жессика. Когда он в очередной раз стонет, она встает и идет в ванную. Слышно, как она пускает воду. За оконной шторой прячется Ольга. Она раздвигает шторы, высовывается. Подходит к Уго, смотрит на него. Уго стонет. Ольга взбивает подушку, поддерживая ему голову. В это время возвращается Жессика и смотрит на них. В руках у нее мокрый компресс.

СЦЕНА I

Уго, Жессика, затем Ольга.

Жессика. Как вы заботливы! Здравствуйте, мадам.

Ольга. Не вздумайте кричать. Я...

Жессика. Я не собираюсь кричать. Садитесь. Мне скорее смеяться хочется.

Ольга. Я Ольга Лорам.

Жессика. Я догадалась.

Ольга. Уго говорил вам обо мне?

Жессика. Да.

Ольга. Он ранен?

Жессика. Нет, напился. Разрешите. (Кладет компресс на голову Уго.)

Ольга. Не так. (Поправляет компресс.)

Жессика. Извините.

Ольга. Что Хёдерер?

Жессика. Хёдерер? Сядьте же, прошу вас. (Ольга садится.) Это вы бросили бомбу, мадам?

Ольга. Я.

Жессика. Никто не убит, в следующий раз вам больше повезет. Как вы сюда попали?

Ольга. Через дверь. Вы не закрыли ее, когда выходили. Никогда не надо оставлять дверь открытой.

Жессика(показывая на Уго). Вы знали, что он там, в кабинете?

Ольга. Нет.

Жессика. Но предполагали, что он может там быть?

Ольга. Пришлось пойти на этот риск.

Жессика. Еще бы немного, и вы бы его убили.

Ольга. Было бы лучше для него.

Жессика. Вы так думаете?

Ольга. Партия не терпит предателей.

Жессика. Уго – не предатель.

Ольга. Согласна. Но я не смогу заставить других разделить мое мнение.
(Пауза.) Дело затянулось, все должно было кончиться неделю назад.

Жессика. Случай не представился.

Ольга. Случай следует создать.

Жессика. Вас партия послала?

Ольга. Партия не знает, что я здесь, я пришла по собственной воле.

Жессика. Понятно; вы положили бомбу в сумочку и по-хорошему пришли бросить ее в Уго с тем, чтобы спасти его репутацию.

Ольга. Если бы мне удалось, все бы решили, что он подорвался вместе с Хёдерером.

Жессика. Да, но он бы погиб.

Ольга. Теперь, что бы он ни делал, ему все равно не уцелеть.

Жессика. Нелегко с вами дружить.

Ольга. Да уж потруднее, чем любить вас. (Смотрят друг на друга.) Это вы ему помешали сделать дело?

Жессика. Нисколько не помешала.

Ольга. Но и не помогли.

Жессика. А с чего это я должна ему помогать? Он со мной посоветовался, когда вступал в партию? И когда ему вздумалось взяться за убийство неизвестного ему человека?

Ольга. Зачем ему с вами советоваться? Какой совет вы ему можете дать?

Жессика. Да уж конечно.

Ольга. Он выбрал эту партию, взял на себя это поручение – с вас довольно?

Жессика. Нет.

Уго стонет.

Ольга. Ему плохо. Вы не должны давать ему пить.

Жессика. Ему было бы еще хуже от осколка вашей бомбы. (Пауза.) Жаль, что он не на вас женился; ему бы подошла умная жена. Он бы сидел дома и гладил ваши комбинации, вы бы в это время бросали бомбы, и мы все были бы счастливы. (Смотрит на нее.) Я вас себе представляла долговязой и костлявой.

Ольга. И усатой?

Жессика. Без усов, но с бородавкой под носом. Он всегда бывал такой серьезный, когда возвращался от вас. И говорил: «Мы обсуждали политические вопросы».

Ольга. С вами он их, конечно, не обсуждал.

Жессика. Сами понимаете, он не для того на мне женился. (Пауза.) Вы ведь в него влюблены?

Ольга. При чем тут любовь? Вы начитались романов.

Жессика. Нужно же чем-то заниматься, если не политикой.

Ольга. Будьте уверены, женщины умные о любви не думают. У нас и без того забот много.

Жессика. А я, значит, думаю?

Ольга. Как и все женщины, живущие сердцем.

Жессика. Я согласна с этим определением. Мне больше нравится жить сердцем, чем рассудком, как вы.

Ольга. Бедный Уго!

Жессика. Да, бедняга Уго! Как вы, должно быть, меня презираете, мадам?

Ольга. Я? Мне некогда терять время по пустякам. (Пауза.) Разбудите его. Мне надо с ним поговорить.

Жессика(подходит к постели и трясет Уго). Уго! Уго! К тебе пришли.

Уго. А? (Садится) Ольга! Ты пришла! Как я рад - ты должна мне помочь. Господи, голова раскалывается. Где это мы? Я так рад, что ты пришла. Послушай, что-то плохое произошло. Даже ты мне не сможешь. Теперь уже не сможешь. Ведь это ты бросила бомбу?

Ольга. Я.

Уго. Почему вы не доверились мне?

Ольга. Уго, через четверть часа один из товарищей перебросит веревку через стену и мне нужно будет уйти. Я спешу, и ты должен меня выслушать.

Уго. Почему вы мне не доверились?

Ольга. Жессика, дайте мне стакан и графин.

Жессика дает ей стакан и графин. Ольга наливает воду в стакан и выплескивает ее в лицо Уго.

Уго. Уф!

Ольга. Ты меня слушаешь?

Уго. Слушаю. (Вытирает лицо.) Как башка трещит! Вода в графине осталась?

Жессика. Да.

Уго. Налей мне, пожалуйста. (Жессика протягивает ему стакан воды, он пьет.) Что наши обо мне думают?

Ольга. Что ты предатель.

Уго. Ничего себе!

Ольга. Ты не можешь больше терять ни одного дня. Дело надо сделать до завтрашнего вечера.

Уго. Не надо было тебе бросать бомбу.

Ольга. Уго, ты взялся выполнить трудное дело, причем захотел сделать его в одиночку. Я первая тебе поверила, хоть и была сотня причин этого не делать, и заставила поверить других. Однако мы не бойскауты и партия не для того существует, чтобы помогать тебе показывать свое геройство. Есть определенное дело, и оно должно быть сделано, все равно кем. Если через двадцать четыре часа ты не завершишь работу, пришлем кого-нибудь другого.

Уго. Если меня кем-нибудь заменят, я уйду из партии.

Ольга. Как ты себе это представляешь? Ты думаешь, что можно выйти из партии? Идет война, Уго, и товарищи не шутят. Из партии уходят только вперед ногами.

Уго. Смерти я не боюсь.

Ольга. Смерть – чепуха. Но глупо умереть ни за что ни про что. Дать себя укокошить как стукача – да что там стукача! – еще хуже, как дурачка, от которого решили избавиться, чтобы он не наделал глупостей. Ты этого хочешь? Об этом ты мечтал, когда впервые пришел ко мне и был такой счастливый и гордый? Ну, скажите же ему! Если вы его хоть немного любите, вы не можете хотеть, чтобы его пристукнули как собаку.

Жессика. Вам прекрасно известно, мадам, что я ничего не смыслю в политике.

Ольга. Что ты решил?

Уго. Не надо было тебе бросать бомбу.

Ольга. Что ты решил?

Уго. Завтра узнаете.

Ольга. Хорошо. Прощай, Уго.

Уго. Прощай, Ольга.

Жессика. Всего доброго, мадам.

Ольга. Погасите свет. Меня не должны увидеть.

СЦЕНА II

Уго, Жессика.

Жессика. Можно включить свет?

Уго. Подожди. Может, ей придется вернуться.

Ждут, не зажигая света.

Жессика. Можно приоткрыть ставни и посмотреть.

Уго. Нельзя.

Пауза.

Жессика. Ты огорчен? (Уго не отвечает.) Отвечай, пока темно.

Уго. Голова болит, вот и все. (Пауза.) Недорого стоит доверие, раз оно за неделю улетучивается.

Жессика. Действительно, недорого.

Уго. Как же жить, если никто тебе не доверяет?

Жессика. Мне вот никто никогда не доверял, и ты меньше всех. Но я, как видишь, жива.

Уго. Она одна верила в меня.

Жессика. Уго...

Уго. Только она ты ведь знаешь. (Пауза.) Теперь она в безопасности. Можно зажечь свет. (Зажигает свет. Жессика резко отворачивается.) Что такое?

Жессика. Не хочу на тебя смотреть при свете.

Уго. Погасить?

Жессика. Нет. (Подходит к нему.) Ты? Ты убьешь человека?

Уго. Я не знаю.

Жессика. Покажи револьвер.

Уго. Зачем?

Жессика. Хочу посмотреть, как он выглядит.

Уго. Ты же его полдня таскала с собой.

Жессика. Тогда он был игрушкой.

Уго(протягивая ей револьвер). Только осторожно.

Жессика. Хорошо. (Смотрит на него.) Смешно.

Уго. Что смешно?

Жессика. Теперь я его боюсь. Возьми. (Пауза.) Ты убьешь человека. (Уго смеется.) Почему ты смеешься?

Уго. Вот ты и поверила. Правда, поверила?

Жессика. Да.

Уго. Нашла время, больше никто не верит. (Пауза.) Неделю тому назад мне бы это, может, и помогло...

Жессика. Я не виновата – я верю только в то, что вижу. Еще сегодня утром я не могла поверить, что он умрет. (Пауза.) Когда я вошла сегодня в кабинет и увидела того типа, у которого шла кровь, я поняла, что вы все мертвецы. Хёдерер – мертвец, у него налицо написано. Если ты его не убьешь, они пришлют кого-нибудь другого.

Уго. Я убью. (Пауза.) Противно было смотреть, как у того типа текла кровь, так ведь?

Жессика. Да, противно.

Уго. И у Хёдерера кровь польется.

Жессика. Замолчи.

Уго. Он будет валяться на полу, как дурак, и из него потечет кровь.

Жессика(медленно и низким голосом). Замолчи же.

Уго. Она бросила бомбу в стену. Чем тут гордиться, ведь нас она не видела. Кто хочешь совершит убийство, если ему не придется смотреть на дело рук своих. Я готов был выстрелить. Там, в кабинете, я смотрел им в лицо, а по ее вине все провалилось.

Жессика. Ты и вправду был готов выстрелить?

Уго. Я держал палец на спусковом крючке.

Жессика. И собирался стрелять! Ты уверен, что смог бы?

Уго. Я... мне повезло, я разозлился. Конечно, я бы смог. А теперь все надо начинать сначала. (Смеется.) Слыхала, они меня считают предателем. Хорошо им – решают, что человек должен умереть, вычеркивают его из жизни пристойно и элегантно. Здесь смерть превращается в грязную работу. Бойня-то здесь.

(Пауза.) Он пьет, курит, рассказывает мне о партии, строит планы, а я думаю о том, что он скоро будет трупом. Как гнусно!

Жессика. Да.

Уго. Помнишь, какие у него блестящие и живые глаза?

Жессика. Да.

Уго. Может, в глаза я и выстрелю. Обычно, знаешь ли, целят в живот, но ствол относит.

Жессика. Мне нравятся его глаза.

Уго(внезапно). Это все абстракция. Нажимаешь на спусковой крючок и потом сам не знаешь, что происходит. (Пауза.) Если бы можно было отвернуться и выстрелить. (Пауза.) Зачем я тебе все это рассказываю?

Жессика. Вот уж не знаю.

Уго. Извини. (Пауза.) А если бы я сейчас здесь вот подышал, ты бы меня бросила?

Жессика. Нет.

Уго. Какая разница – убивать, умирать – ты все равно одинок. Везет ему, он умрет один раз. А я эти десять дней каждую минуту его убиваю. (внезапно.) Как бы ты поступила, Жессика?

Жессика. О чем ты?

Уго. Послушай, если завтра я его не убью, мне придется или исчезнуть, или прийти к ним и сказать: делайте со мной, что считаете нужным. Если же я его убью... (Закрывает на мгновение лицо руками.) Что мне делать? Что бы ты сделала?

Жессика. Я? Ты спрашиваешь, что бы я сделала на твоём месте?

Уго. А у кого мне спрашивать? У меня на свете никого нет, кроме тебя.

Жессика. Действительно. У тебя больше никого нет. Кроме меня. Бедняжка Уго. (Пауза.) Я бы пошла к Хёдереру и сказала ему: меня прислали убить вас, но я раздумала и хочу работать с вами.

Уго. Бедная Жессика.

Жессика. Так нельзя?

Уго. Это называется предательством.

Жессика(грустно). Вот видишь, я ничего не могу тебе посоветовать. (Пауза.) Почему нельзя? Потому что его мнения не совпадают с твоими?

Уго. Да, если хочешь. У нас разные мнения.

Жессика. И людей, у которых другие мнения, нужно убивать?

Уго. Иногда приходится.

Жессика. Но почему ты выбрал мнения Луи и Ольги?

Уго. Потому что они правильные.

Жессика. Но представь себе, Уго, что в прошлом году ты бы встретил не Луи, а Хёдерера. Тогда его идеи показались бы тебе правильными.

Уго. Ты сумасшедшая.

Жессика. Отчего же?

Уго. Послушаешь тебя, так все мнения стоят одно другого и их можно

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
подцепить, как болезнь.

Жессика. Я так не думаю, я сама не знаю, что думаю. Уго, он такой сильный, только откроет рот, сразу веришь, что он прав. И потом, я думаю, что он искренне желает партии блага.

Уго. Плевать мне на его желания и мысли. Только действия имеют значение.

Жессика. Но...

Уго. Объективно, он социал-предатель.

Жессика(не понимая). Объективно?

Уго. Да.

Жессика. А-а. (Пауза.) А если бы он узнал, что ты собираешься делать, он бы тоже подумал, что ты социал-предатель?

Уго. Понятия не имею.

Жессика. Ну, как по-твоему, подумал бы?

Уго. Какая разница? Возможно, подумал бы.

Жессика. Тогда кто же прав?

Уго. Я.

Жессика. Откуда ты знаешь?

Уго. Политика – это наука. Можно доказать, что ты прав, а другие ошибаются.

Жессика. Почему же тогда ты колеблешься?

Уго. Долго объяснять.

Жессика. Целая ночь впереди.

Уго. Для этого нужны месяцы и годы.

Жессика. Ах, так! (Идет к книгам.) А в них все написано?

Уго. В каком-то смысле, да. Нужно только уметь читать.

Жессика. Господи! (Берет одну книгу, открывает, заглядывает в нее и откладывает со вздохом.) Боже!

Уго. Теперь оставь меня в покое. Ложись спать или делай, что хочешь.

Жессика. А что такое? Что я сказала?

Уго. Ничего. Ты ничего не сказала. Это моя вина – глупо было просить у тебя помощи. Ты из другого мира.

Жессика. А кто виноват? Почему меня ничему не научили? Почему ты мне ничего не объяснил? Помнишь, как он сказал? Что я для тебя роскошь. Вот уже девятнадцать лет я живу в вашем взрослом мире, мне запрещено во что бы то ни было вникать, и вы заставили меня поверить, что все в порядке и что мне ничего не нужно делать, кроме как расставлять цветы по вазам. Зачем вы меня обманули? Зачем держали в неведении? Чтобы однажды я поняла, что мир трещит по швам, а вы ничего не можете сделать и я должна выбрать – не хочу, чтобы тебя убили, не хочу, чтобы ты убивал. Почему мне взвалили на плечи эту тяжесть? Я ничего в ваших делах не смыслю и понимать не хочу. Я не тиран, не социал-предатель, не ре волюционер, я ничего плохого не сделала и ни в чем не виновата.

Уго. Я тебя больше ни о чем не прошу, Жессика.

Жессика. Поздно, Уго, ты меня впутал в это дело. Теперь я должна выбирать. Ради тебя и ради меня; я выбрала жизнь с тобой, и я... О Господи! Я больше

не могу.

Уго. Вот видишь.

Пауза. Уго сидит на постели, смотрит в пустоту. Жессика садится рядом с ним, обнимает его.

Жессика. Молчи. Не занимайся мною. Я не буду говорить с тобой, не помешаю тебе думать. Но я останусь здесь. Утром холодно, ты получишь чуть-чуть моего тепла, раз я ничего больше не могу тебе дать. Голова еще болит?

Уго. Да.

Жессика. Положи ее мне на плечо. У тебя горячий лоб. (Гладит его по голове.) Бедная головушка!

Уго(внезапно вырываясь). Довольно!

Жессика(нежно). Уго!

Уго. Не изображай мать семейства.

Жессика. Никого я не изображаю и не буду изображать.

Уго. У тебя холодное тело, и ты не можешь дать мне тепла. Нетрудно склониться над человеком с материнским видом и погладить его по головке; любая девчонка могла бы быть на твоём месте. Но когда я обнимал тебя и просил, чтобы ты стала моей женой, у тебя не так хорошо получалось.

Жессика. Замолчи.

Уго. Почему это? Ты разве не знаешь, что наша любовь была комедией?

Жессика. Этой ночью важна не наша любовь, а то, что ты сделаешь завтра.

Уго. Одно с другим связано. Если бы я был уверен... (внезапно.) Жессика, посмотри мне в глаза. Можешь ты сказать, что любишь меня? (Смотрит на нее. Пауза.) Так-то. Даже этого мне не дано.

Жессика. А ты, Уго? Ты думаешь, что любил меня? (Он не отвечает.) Ну вот. (Пауза. Внезапно.) Почему бы тебе не попытаться его убедить?

Уго. Убедить? Кого, Хёдерера?

Жессика. Раз он ошибается, ты сможешь ему это доказать.

Уго. Ты что! Он не так прост.

Жессика. Значит, твои идеи не так уж неоспоримы, коли ты не можешь доказать их правильность. Уго, как бы хорошо всех помирить, и все бы остались довольны, и работали бы все вместе. Попытайся, Уго, прошу тебя. Хоть разок попробуй, прежде чем его убивать.

Стук в дверь. Уго вздрагивает, глаза его блестят.

Уго. Это Ольга. Она вернулась. Я так и знал, что она вернется. Погаси свет и отпирай.

Жессика. Как она тебе нужна!

Жессика гасит свет и отпирает дверь. Входит Хёдерер. Уго вновь зажигает свет, когда дверь за вошедшим закрывается.

СЦЕНА III

Уго, Жессика, Хёдерер.

Жессика(узнав Хёдерера). Ха!

Хёдерер. Напугал?

Жессика. Что-то я сегодня слишком нервничаю. Эта бомба...

Хёдерер. Да, конечно. Вы часто так сидите в темноте?

Жессика. Бывает. У меня глаза очень устают.

Хёдерер. А! (Пауза.) Можно, я присяду? (Садится в кресло.) Я вас не стесню?

Уго. Вы хотите мне что-то сказать?

Хёдерер. Нет. Нет-нет. Рассмешил ты меня сегодня - весь красный от гнева...

Уго. Я...

Хёдерер. Не надо извинений, я этого ожидал. Если бы ты не протестовал, я бы удивился. Мне нужно многое тебе объяснить. Только завтра. Завтра поговорим. А сейчас твой рабочий день закончен. И мой тоже. Ничего себе денек, а? Почему бы вам не повесить гравюры на стену? А то слишком голо. Где-то на чердаке их много валяется. Слик вам принесет.

Жессика. А какие они?

Хёдерер. Разные. Выберешь, что понравится.

Жессика. Благодарю. Я не люблю гравюр.

Хёдерер. Как хочешь. У вас есть что-нибудь выпить?

Жессика. Нет, к сожалению.

Хёдерер. Ну, ничего, тем лучше. Чем вы занимались до моего прихода?

Жессика. Болтали.

Хёдерер. Так продолжайте, не обращайтесь на меня внимания. (Набивает трубку и закуривает. Тяжелое молчание. Улыбается.) Да, конечно.

Жессика. Довольно трудно себе представить, что вас здесь нет.

Хёдерер. Можете меня выставить. (Уго.) Ты не обязан принимать своего патрона, когда на него блажь находит. (Пауза.) Не знаю, зачем я пришел. Заснуть не получилось, работать тоже... (Пожимает плечами.) Нельзя же все время работать.

Жессика. Нельзя, конечно.

Хёдерер. Скоро этому делу конец...

Уго(живо). Какому делу?

Хёдерер. Делу с Карским. Он, понятно, заупрямился сначала, но все пойдет быстрее, чем я думал.

Уго(неистово). Вы...

Хёдерер. Тихо. Завтра! Завтра! (Пауза.) Когда определенный этап подходит к концу, чувствуешь себя не удел. У вас горел свет недавно?

Жессика. Да.

Хёдерер. Я стоял у окна. Не зажигая света, чтобы не изображать из себя мишень. Заметили, какая темная и тихая ночь? (Пауза.) Мы смотрели смерти в лицо.

Жессика. Да.

Хёдерер(со смешком). В глаза ей смотрели. (Пауза.) Я тихо вышел из комнаты. Слик спал в коридоре, а Жорж - в гостиной. Леон дрых в вестибюле. Я хотел было его растолкать, а потом... (Пауза.) Вот я и пришел к вам. (Жессике.) Что с тобой? Днем у тебя был не такой испуганный вид.

Жессика. Это из-за того, какой вы сейчас.

Хёдерер. А какой я?

Жессика. Я думала, вам никто не нужен.

Хёдерер. Мне никто не нужен. (Пауза.) Слик сказал мне, что ты беременна.

Жессика(быстро). Неправда.

Уго. Ну, Жессика, если ты Слику сказала, зачем скрывать от Хёдерера?

Жессика. Я пошутила.

Хёдерер(долго смотрит на нее). ладно. (пауза.) когда я был депутатом ландтага, я жил у одного автослесаря. Вечером я приходил к нему в столовую покурить трубку. У них было включено радио, дети играли... (Пауза.) Пойду-ка я спать. Все это мираж.

Жессика. Что мираж?

Хёдерер. Да все это. И вы тоже. Надо работать, ничего не поделаешь. Позвони в деревню, пусть пришлют столяра починить окно в кабинете. (Смотрит на Уго.) У тебя усталый вид. Ты, кажется, надрался? Отоспись хорошенько. Можешь до девяти часов не приходить.

Встает. Уго делает шаг. Жессика бросается между ними.

Жессика. Уго, пора!

Уго. Что?

Жессика. Ты обещал мне убедить его.

Хёдерер. Убедить меня?

Уго. Замолчи!

Пытается оттолкнуть ее. Она встает перед ним.

Жессика. Он с вами не согласен.

Хёдерер(с интересом). Я заметил.

Жессика. Он хотел объяснить.

Хёдерер. Завтра! Завтра!

Жессика. Завтра будет поздно.

Хёдерер. Почему?

Жессика(стоя перед Уго.) Он... он сказал, что отказывается быть вашим секретарем, если вы его не выслушаете. Вы оба спать не хотите, и впереди целая ночь, и... вы оба чудом избежали смерти, значит, вы не можете не договориться.

Уго. Я сказал, отстань.

Жессика. Уго, ты обещал! (Хёдереру.) Он говорил, что вы социал-предатель.

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
Хёдерер. Социал-предатель! Ни много ни мало!

Жессика. Объективно. Он сказал, объективно.

Хёдерер(другим тоном и с другим выражением лица). Ладно, приятель, выкладывай, что у тебя на душе, раз уж никуда от этого не денешься. Придется разобраться в этом деле перед тем, как ложиться спать. Почему я предатель?

Уго. Потому что вы не имеете права вовлекать партию в ваши махинации.

Хёдерер. А почему бы и нет?

Уго. Потому что это революционная организация, а вы делаете из нее правительственную партию.

Хёдерер. Революционные партии созданы для захвата власти.

Уго. Для захвата, согласен. Власть нужно захватить вооруженным путем, а не выторговать.

Хёдерер. Ты крови жаждешь? Досадно, конечно, но тебе пора знать, что силой мы немногого достигнем. На случай гражданской войны у Пентагона есть оружие и военные специалисты. Они станут во главе контрреволюционных сил.

Уго. Кто говорит о гражданской войне? Хёдерер, я не понимаю вас, надо просто набраться терпения. Вы сами сказали: Красная армия прогонит регента и власть достанется нам.

Хёдерер. А как нам ее удержать? (Пауза.) Уверю тебя, когда Красная армия вступит на нашу территорию, всем придется несладко.

Уго. Красная армия...

Хёдерер. Да-да. Знаю. Я тоже ее жду. Жду с нетерпением. Но запомни хорошенько: все воюющие армии, освободительные или нет, похожи друг на друга - они живут за счет оккупированной страны. Наши крестьяне возненавидят русских, это неизбежно. Как же им нас любить, если мы им навязаны русскими? Нас ославят партией чужеземцев, а может, и еще похуже. Пентагон уйдет в подполье, ему даже лозунги менять не придется.

Уго. Что касается Пентагона, я...

Хёдерер. Потом вот еще что: в стране разруха, не исключены военные действия на нашей территории. Какое бы правительство ни пришло к власти после регента, оно будет вынуждено пойти на жесткие меры, за которые его возненавидят. На следующий день после ухода Красной армии поднимется гибельное для нас восстание.

Уго. Восстание можно подавить. Мы установим железный порядок.

Хёдерер. Железный порядок? Каким образом? Даже после революции пролетариат надолго останется слабым. Железный порядок! С помощью буржуазной партии, которая тут же начнет саботаж, и крестьянского населения, которое сожжет урожай, чтобы он не достался нам?

Уго. Ну и что? Партия большевиков и не такое видала в семнадцатом году.

Хёдерер. Она не была навязана извне. Теперь послушай, малыш, и постарайся понять. Мы возьмем власть вместе с либералами Карского и консерваторами регента. Без сложностей, без шумихи - национальный союз. Никто не сможет обвинить нас в пособничестве другой стране. Я потребовал половину голосов в Комитете сопротивления, но я не настолько глуп, чтобы требовать половину портфелей. Мы должны удовлетвориться меньшинством. Меньшинством, чтобы другие партии несли ответственность за непопулярные меры, а мы завоевали расположение населения как оппозиция в составе правительства. У них нет выхода, через два года либеральная политика потерпит крах и вся страна обратится к нам за помощью.

Уго. К этому времени партия развалится.

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
Хёдерер. Развалится? Почему?

Уго. У партии есть программа - осуществление социалистического экономического хозяйствования посредством классовой борьбы. Вы хотите воспользоваться ею для проведения в жизнь политики классового сотрудничества в условиях капиталистической экономики. Годы и годы вы будете лгать, притворяться, лавировать, идти на компромиссы, оправдывать в глазах наших товарищей реакционные меры, принятые правительством, частью которого вы являетесь. Никто ничего не поймет - самые стойкие уйдут от нас, а другие потеряют только что приобретенную политическую культуру. Мы будем отравлены, ослаблены, дезориентированы. Мы станем реформистами и националистами. В конечном счете буржуазным партиям останется только взять на себя труд расправиться с нами. Хёдерер! Ведь партия - ваше детище, вы не могли забыть, сколько сил положили на то, чтобы ее сколотить, понесенные жертвы, возню с установлением дисциплины. Умоляю вас, не отдавайте ее собственными руками.

Хёдерер. Болтовня! Боишься рисковать, не лезь в политику.

Уго. На этот риск я не хочу идти.

Хёдерер. Прекрасно, тогда как удержать власть?

Уго. А зачем ее брать?

Хёдерер. Ты в своем уме? Социалистическая армия войдет в страну, затем уйдет, а ты упустишь случай воспользоваться ее помощью? Такой случай больше никогда не представится. Повторяю, мы недостаточно сильны, чтобы делать революцию в одиночку.

Уго. Нельзя платить за власть такую цену.

Хёдерер. Чем, по-твоему, должна стать партия? Скаковой конюшней? Какого черта, каждый день начищать до блеска нож, если никогда не пустишь его в ход? Партия - всегда лишь средство. Цель одна - власть.

Уго. Цель одна - триумф наших идей, именно идей, и ничего другого.

Хёдерер. Ах, да, у тебя есть идеи. Это пройдет.

Уго. Вы думаете, у меня одного они есть? И не за идею, по-вашему, погибли товарищи, которых убила полиция регента? Разве мы не предаем их, если заставляем партию оправдывать их убийц?

Хёдерер. Плевал я на мертвецов. Они погибли за партию, и партия пускай с ними разбирается. Я живой и делаю политику для живых.

Уго. И вы надеетесь, что живые согласятся на ваши махинации?

Хёдерер. Мы их заставим проглотить эту пилюлю.

Уго. Обманом?

Хёдерер. Понадобится, и обманом.

Уго. Вы... вы такой настоящий, такой незабываемый! Не может быть, чтобы вы пошли на обман товарищей.

Хёдерер. Почему не может быть? Идет война, а на войне не принято посвящать солдат во все тонкости операций.

Уго. Хёдерер, я... я лучше вас знаю, что такое обман; у моего отца все лгали друг другу и мне. Я стал дышать свободно только после вступления в партию. Впервые я встретил людей, которые не обманывают себе подобных. Каждый доверяет всем, и все - каждому; самый последний член партии чувствует, что распоряжения руководителей отражают его собственное затаенное желание, и, если приходится лихо, все знают, за что идут на смерть. Вы не сможете...

Хёдерер. Да о чем ты?

Уго. О нашей партии.

Хёдерер. О нашей партии? В ней полно лжи. А ты, Уго, уверен, что никогда не лгал, что в эту минуту ты не лжешь?

Уго. Я никогда не обманывал товарищей. Я... Зачем бороться за освобождение людей, если презираешь их? Зачем морочить им голову?

Хёдерер. Я лгу, когда нужно, и никого не презираю. Не я изобрел обман; он порожден обществом, разделенным на классы, и каждый из нас унаследовал его при рождении. С обманом не покончишь, отказываясь лгать. Единственное средство – уничтожение классов.

Уго. Не все средства хороши.

Хёдерер. Хороши все, были бы эффективны.

Уго. Тогда какое у вас право осуждать политику регента? Он объявил войну СССР потому, что это было наиболее эффективным средством сохранить национальную независимость.

Хёдерер. Кто тебе сказал, что я ее осуждаю? Он сделал то, что на его месте сделал бы любой другой из той же касты. Мы боремся не против людей, не против какой-то политики, а против класса, породившего эту политику и этих людей.

Уго. И вы не нашли лучшего средства для борьбы, чем предложить ему разделить власть с вами?

Хёдерер. Вот именно. На сегодняшний день это лучшее средство. (Пауза.) Как ты озабочен своей чистотой, дружок! Как ты боишься запачкать руки! Ну что ж, оставайся незапятнанным. Кому это нужно и зачем ты к нам пришел? Чистота – забота аскета или монаха. Вы, интеллигенты и буржуазные анархисты, пользуетесь ею как предлогом, чтобы бездельничать. Сидеть сложа руки, оставаться неподвижными, прижав локти к туловищу и натянув перчатки. У меня руки грязные. Грязные по локоть. В дерьме и крови. А ты думал, можно руководить и не запачкаться?

Уго. Надеюсь, когда-нибудь я докажу, что не боюсь крови.

Хёдерер. Черт возьми, красные перчатки тебе подойдут. Всего остального ты страшишься. Например, вони, которую не выносит твое аристократическое обоняние.

Уго. Опять старая песня, я аристократ и никогда не голодал! К несчастью для вас, не один я так думаю.

Хёдерер. Не ты один? Значит, до приезда сюда тебе было что-то известно о моих переговорах?

Уго. Н-нет. Слухи о них шли среди членов партии, и большинство было несогласно, причем, могу поклясться, они отнюдь не аристократы.

Хёдерер. Малыш, это недоразумение. Знаю я их, партийных, которые не согласны с моей политикой, и будь уверен, они моей породы, не твоей – ты скоро поймешь. Если они не одобряют переговоров, то только потому, что считают их несвоевременными; в других обстоятельствах они бы первые их и затеяли. А ты возводишь свое несогласие в принцип.

Уго. Кто говорит о принципах?

Хёдерер. Значит, дело не в принципе? Тем лучше. Вот что тебя должно убедить: если мы договоримся с регентом, он прекратит войну и иллирийские войска спокойно подождут русских, которые их разоружат. Если же мы прервем переговоры, он поймет, что проиграл, и будет драться до последнего, как бешеная собака. Погибнут сотни тысяч людей. Что ты на это скажешь? (Пауза.) А? Что скажешь? Согласен одним росчерком пера уничтожить сотни тысяч жизней?

Уго(с трудом). Революцию с цветами в руках не сделаешь. Если им такая судьба выпала...

Хёдерер. То что?

Уго. То тем хуже для них!

Хёдерер. Видишь, Уго! Ты не людей любишь, а свои принципы.

Уго. А почему я должен любить людей? Они же меня не любят.

Хёдерер. Тогда зачем ты пришел к нам? Тот, кто не любит людей, не может за них бороться.

Уго. Я вступил в партию, поскольку дело ее справедливо, и выйду из нее, когда оно перестанет быть таковым. Что до людей, меня интересует не то, что они из себя сегодня представляют, а то, чем они могут стать завтра.

Хёдерер. А я их люблю такими, какие они есть. Со всеми их пороками и гнусностями. Люблю их голоса и их теплые берущие руки, и кожу их, голую кожу, и тревожный взгляд, и отчаянную борьбу, которую они ведут против смерти и против тревоги. Для меня важно, одним человеком на свете больше или меньше. Человек – это ценность. Таких, как ты, я хорошо знаю, малыш, ты – разрушитель. Людей ты презираешь, потому что презираешь сам себя; твоя чистота сродни смерти, и революция, о которой ты гредишь, – это не наша революция. Ты не хочешь изменить мир, ты хочешь его взорвать.

Уго(встает). Хёдерер!

Хёдерер. Ты не виноват – вы все одинаковы. Интеллигент не бывает настоящим революционером, в лучшем случае – убийцей.

Уго. Убийцей? Верно.

Жессика. Уго!

Становится между ними. Слышно, как замок открывают ключом. Дверь открывается. Входят Жорж и Слик.

СЦЕНА IV

Те же, Слик и Жорж.

Жорж. Ты здесь! Мы тебя всюду искали.

Уго. Откуда у вас ключ от моей двери?

Слик. У нас ключи от всех дверей. Мы же телохранители!

Жорж(Хёдереру). Ну и нагнал ты на нас страху. Слик протер глаза – глядь – нет Хёдерера. Надо предупреждать, когда идешь прогуляться.

Хёдерер. Вы спали...

Слик(в недоумении). Ну и что с того? С каких это пор ты боишься нас разбудить, когда сам не спишь? (Пауза.)

Хёдерер(смеясь). Правда, что это со мной? (Пауза.) Я пойду с вами. До завтра, малыш. До девяти часов. Поговорим еще. (Уго не отвечает.) До свиданья, Жессика.

Жессика. До завтра, Хёдерер.

Трое выходят.

СЦЕНА V

Жессика, Уго.

Долгое молчание.

Жессика. Ну что?

Уго. Ты была здесь и все слышала.

Жессика. И что ты думаешь?

Уго. Что я могу думать? Я же тебе говорил, что он хитрец.

Жессика. Уго! Он был прав.

Уго. Бедная моя Жессика! Тебе откуда знать?

Жессика. А ты что знаешь? У тебя был довольно бледный вид.

Уго. Черт! Конечно, со мной ему легко справиться. Посмотрел бы я, каково ему с Луи поговорить. Тут бы он так просто не выпутался.

Жессика. Может, он и его бы переспорил.

Уго(смеясь). Кого, Луи? Ты его не знаешь. Луи не может ошибаться.

Жессика. Почему?

Уго. Потому. Потому что он Луи.

Жессика. Уго! Ты лукавишь! Я смотрела на тебя, пока ты говорил с Хёдерером. Он тебя убедил.

Уго. Он не убедил меня. Никто не убедит меня в том, что нужно лгать товарищам. Но если бы ему и удалось меня убедить, то тем нужнее его убрать, иначе он убедит кого-нибудь еще. Завтра утром я покончу с этим делом.

ЗАНАВЕС

Картина шестая

Кабинет Хёдерера.

Оконная рама, выбитая взрывом, прислонена к стене, осколки стекла выметены, окно закрыто простыней, приколотой кнопками.

СЦЕНА I

Хёдерер, затем Жессика.

В начале сцены Хёдерер, стоя у плитки, варит себе кофе и курит трубку. Стук в дверь. Слик просовывает голову.

Слик. Девчонка пришла, хочет вас видеть.

Хёдерер. Ладно, пусть войдет. (Входит Жессика, Слик исчезает.) Что тебе? (Она молчит.) Подойди ближе. (Она стоит на пороге, волосы в беспорядке падают ей на лицо. Он идет к ней.) Ты, наверное, хотела мне что-то сказать? (Она кивает.) Так говори и уходи.

Жессика. Вы всегда торопитесь...

Хёдерер. Я работаю.

Жессика. Вы не работали, а варили кофе. Можно мне чашечку?

Хёдерер. Можно (Пауза.) Ну так что?

Жессика. дайте мне собраться с духом. С вами тяжело говорить. Вы ждете Уго, а он еще бриться не начинал.

Хёдерер. Хорошо. Даю тебе пять минут, чтобы собраться с мыслями. Вот твой кофе.

Жессика. Поговорите со мной.

Хёдерер. О чем?

Жессика. Я же должна собраться с мыслями. Говорите.

Хёдерер. Мне нечего сказать, и я не умею разговаривать с женщинами.

Жессика. Неправда, умеете. И очень хорошо.

Хёдерер. да? (Пауза.)

Жессика. Вчера вечером...

Хёдерер. что?

Жессика. Мне показалось, что правы были вы.

Хёдерер. я был прав? (Пауза.) Спасибо, ты меня подбодрила.

Жессика. Издеваетесь?

Хёдерер. да. (Пауза.)

Жессика. Если бы я вступила в партию, что бы мне пришлось делать?

Хёдерер. Нужно еще, чтобы тебя приняли.

Жессика. Но если бы меня приняли, что бы мне пришлось делать?

Хёдерер. Вот уж не знаю. (Пауза.) Ты за этим пришла ко мне?

Жессика. Нет.

Хёдерер. За чем же тогда? В чем дело? Ты поссорилась с Уго и хочешь уехать?

Жессика. Нет. Вы бы огорчились, если бы я уехала?

Хёдерер. я бы обрадовался, что могу работать спокойно.

Жессика. Вы говорите не то, что думаете.

Хёдерер. Ты так считаешь?

Жессика. да. (Пауза.) Вчера, когда вы вошли, у вас был вид очень одинокого человека.

Хёдерер. Ну и что?

Жессика. Это прекрасно - человек, который одинок.

Хёдерер. Настолько прекрасно, что сразу возникает желание составить ему компанию. И тут он перестает быть одиноким. Мир скверно устроен.

Жессика. О, со мной вы вполне бы могли остаться одиноким. Я бы не стеснила вас.

Хёдерер. С тобой?

Жессика. я просто так сказала. (Пауза.) Вы были женаты?

Хёдерер. Да.

Жессика. Ваша жена была членом партии?

Хёдерер. Нет.

Жессика. А вы говорили, что нужно жениться только на членах партии.

Хёдерер. Правильно.

Жессика. Она была красивая?

Хёдерер. Как когда, и потом, кому что нравится.

Жессика. А я красивая, по-вашему?

Хёдерер. Издеваешься?

Жессика (смеясь). Да.

Хёдерер. Пять минут прошло. Говори или уходи.

Жессика. Вы не сделаете ему зла.

Хёдерер. Кому?

Жессика. Уго. Вы к нему хорошо относитесь, правда?

Хёдерер. Чувства тут ни при чем. Он ведь хочет меня убить, это и есть твоя история?

Жессика. Не делайте ему зла.

Хёдерер. Да нет, я ему зла не сделаю.

Жессика. Вы... вы знали?

Хёдерер. Знаю со вчерашнего вечера. Как он собирается меня убивать?

Жессика. Что вы имеете в виду?

Хёдерер. Каким оружием? Гранатой, револьвером, топором, саблей, ядом?

Жессика. Револьвером.

Хёдерер. Неплохо.

Жессика. Сегодня, идя к вам, он возьмет револьвер с собой.

Хёдерер. Понятно. Зачем ты его выдала? Ты с ним в ссоре?

Жессика. Нет. Но...

Хёдерер. Так что же?

Жессика. Он попросил меня ему помочь.

Хёдерер. И ты таким образом ему помогаешь? Странно.

Жессика. Он не хочет вас убивать. Совсем не хочет. Вы ему очень нравитесь. Просто он получил приказ. Он не признается, но я уверена, что в глубине души он будет рад, если ему помешают его выполнить.

Хёдерер. Нужно подумать.

Жессика. Что вы будете делать?

Хёдерер. Еще не знаю.

Жессика. Пусть Слик тихонько отберет у него револьвер. Больше у него нет

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
оружия. Заберите это, и все будет кончено.

Хёдерер. Нет. Он почувствует себя униженным. Людей нельзя унижать. Я с ним поговорю.

Жессика. Вы впустите его сюда вооруженным?

Хёдерер. Почему бы и нет? Я хочу его убедить. Это пятиминутный риск, не более. Если сегодня утром он не решится, то не решится уже никогда.

Жессика(внезапно). Я не хочу, чтобы он вас убил.

Хёдерер. Ты бы огорчилась, если бы меня прикончили?

Жессика. Я? Я бы обрадовалась.

Стук. в дверь.

Слик. Уго пришел.

Хёдерер. Минутку. (Слик. прикрывает дверь.) Полезай в окно.

Жессика. Не хочу от вас уходить.

Хёдерер. Если ты останешься, он, точно, выстрелит. В твоём присутствии он не сдрейфит. Давай лезь!

Она вылезает в окно, и простыня вновь его прикрывает. Пусть он войдет.

СЦЕНА II

Уго, Хёдерер.

Входит Уго. Хёдерер идет к двери и затем вместе с Уго возвращается к столу. Стоит рядом с ним, пристально наблюдает за всеми его движениями во время разговора, готовый схватить его за руку в случае, если Уго захочет вынуть револьвер.

Хёдерер. Ну, хорошо спал?

Уго. Так себе.

Хёдерер. С похмелья?

Уго. Ужасно.

Хёдерер. Решился наконец?

Уго(вздрагнув). На что?

Хёдерер. Ты вчера вечером сказал, что уйдешь от меня, если не сможешь меня заставить переменить мнение.

Уго. Я полон решимости.

Хёдерер. Хорошо. Поговорим об этом чуть позже. А пока поработаем. Садись. (Уго садится за свой рабочий стол.) На чем мы остановились?

Уго(читая свои записи). «Согласно данным переписи населения, число сельскохозяйственных рабочих понизилось с восьми миллионов семисот одной тысячи в тысяча девятьсот шестом году до...»

Хёдерер. Слушай, а бомбу бросила женщина.

Уго. Женщина?

Хёдерер. Слик нашел следы на грядках. Ты ее знаешь?

Уго. Как это я могу ее знать?

Пауза.

Хёдерер. Забавно, правда?

Уго. Очень.

Хёдерер. Тебе, по всей видимости, это не кажется забавным. Что с тобой?

Уго. Я болен.

Хёдерер. Хочешь, отдохни до обеда?

Уго. Нет, давайте работать.

Хёдерер. Тогда прочитай еще раз ту фразу.

Уго берет свои записи и читает заново.

Уго. «Согласно данным переписи...»

Хёдерер смеется. Уго резко поднимает голову.

Хёдерер. Знаешь, почему она промахнулась? Бьюсь об заклад, что она бросила бомбу с закрытыми глазами.

Уго(рассеянно). Почему?

Хёдерер. Из-за грохота. Они закрывают глаза, чтобы их не оглушило, понимай как знаешь. Все эти крысы боятся шума, иначе из них бы вышли отменные убийцы. Они, знаешь, упрямые: перенимают какую-нибудь готовую идею и верят в нее, как в Господа Бога. Нам- то сложнее выстрелить в человека по принципиальным соображениям, ведь идеи создаем мы сами и знаем всю кухню – мы никогда до конца не уверены в своей правоте. Вот ты уверен в своей правоте?

Уго. Да.

Хёдерер. В любом случае из тебя убийцы не выйдет. Не то призвание.

Уго. По приказу партии кто угодно может стать убийцей.

Хёдерер. А если партия прикажет тебе плясать на натянутом канате, думаешь, у тебя получится? Убийцами рождаются. Ты вот слишком много размышляешь, ты бы не смог.

Уго. Смог бы, если бы решил.

Хёдерер. Ты смог бы хладнокровно пустить пулю мне в лицо, потому что я не согласен с тобой по политическим вопросам?

Уго. Да, если бы я так решил или бы мне приказала партия.

Хёдерер. Удивительно. (Уго собирается засунуть руку в карман, но Хёдерер перехватывает его за запястье и слегка приподнимает его руку над столом.) Представь, что в этой руке оружие и что этот вот палец должен нажать на спусковой крючок...

Уго. Отпустите руку.

Хёдерер(не отпуская руки). Представь, что я стою перед тобой, вот как сейчас, и что ты целишься в меня...

Уго. Отпустите и давайте работать.

Хёдерер. Ты смотришь на меня и, нажимая на спусковой крючок, вдруг думаешь: «А если он был прав?» Представляешь?

Уго. Я бы об этом не думал. Я бы думал только о том, как убить.

Хёдерер. Еще как думал бы. Интеллигент иначе не может. До того как нажать на спуск, ты бы представил себе последствия своего поступка: перечеркнуто дело целой жизни, политической работе конец, меня никем не заменишь, партия, быть может, обречена на...

Уго. Говорю вам, я бы не задумался!

Хёдерер. Ты бы не сумел иначе. И очень хорошо, потому что, если бы ты не подумал об этом до того, целой твоей жизни после не хватило бы на обдумывание. (Пауза.) И что вам всем приспичило играть в убийц? У убийц нет воображения, им ничего не стоит принести смерть, поскольку они понятия не имеют, что такое жизнь. Я предпочитаю людей, которые боятся чужой смерти, это доказывает, что они умеют жить.

Уго. Я родился на свет не для того, чтобы жить, я не знаю, что такое жизнь, и знать не хочу. Я лишний, я без места, и я всех стесняю, никто меня не любит и не доверяет мне.

Хёдерер. Я тебе доверяю.

Уго. Вы?

Хёдерер. Конечно. Ты – ребенок, который с трудом вырастает, но ты станешь дельным взрослым человеком, если кто-нибудь облегчит тебе этот переход. Если мне удастся уцелеть после их бомб и гранат, я оставлю тебя при себе и помогу тебе.

Уго. Зачем вы мне это говорите? Почему именно сегодня?

Хёдерер(отпуская его). Просто чтобы доказать, что не дилетанту запугать хладнокровного человека.

Уго. Если я что-нибудь решил, я должен это сделать. (Про себя, с каким-то отчаянием.) Я должен.

Хёдерер. Ты смог бы убить меня, глядя мне в глаза? (Смотрят друг на друга. Хёдерер отходит от стола и отступает на шаг.) У настоящих убийц ничего не происходит в голове. А ты, ты сможешь выстрелить, зная, что происходит у меня в голове, когда ты целишься? (Пауза. Продолжает смотреть на него.) Кофе хочешь? (Уго не отвечает.) Он готов, я налью тебе чашку. (Поворачивается спиной к Уго и наливает кофе в чашку. Уго встает и сует руку в карман, где лежит револьвер. Видно, что он борется с собой. Через минуту Хёдерер поворачивается и спокойно идет к Уго, неся полную чашку. Протягивает ему.) Бери. (Уго берет чашку.) Теперь давай револьвер. Давай-давай, ты же видишь, я предоставил тебе случай, а ты им не воспользовался. (Сам достает револьвер из кармана Уго.) Да это игрушка! (Идет к столу и кидает на него револьвер).

Уго. Я вас ненавижу.

Хёдерер возвращается к нему.

Хёдерер. Да нет, ты меня не ненавидишь. Какие у тебя основания для ненависти?

Уго. Вы принимаете меня за труса.

Хёдерер. Почему? Убивать ты не умеешь, но это не причина для того, чтобы предположить, будто и умереть ты не сумеешь. Совсем наоборот.

Уго. Я держал палец на спусковом крючке.

Хёдерер. Знаю.

Уго. И я... (Бессильный жест.)

Хёдерер. Понятно. Говорил я тебе, это труднее, чем ты думаешь.

Уго. Я знал, что вы специально повернулись ко мне спиной. Именно поэтому я...

Хёдерер. Ну, во всяком случае...

Уго. Я не предатель!

Хёдерер. Никто тебя в этом не обвиняет. Предателем тоже становятся по призванию.

Уго. Они подумают, что я предатель, потому что я не выполнил их поручения.

Хёдерер. Кто это - они? (Молчание.) Это Луи тебя подослал? (Молчание.) Не хочешь говорить, правильно. Слушай, наши судьбы связаны. Со вчерашнего дня в моей игре прибавилось козырей, и я постараюсь спасти и свою, и твою шкуру. Завтра я поеду в город и поговорю с Луи. Он упрямый, я тоже. С твоими приятелями мы уладим дело. Труднее всего поладить с самим собой.

Уго. Труднее? Это недолго. Только отдайте мне револьвер.

Хёдерер. Нет.

Уго. Что вам с того, если я пушу себе пулю в лоб? Я ваш враг.

Хёдерер. Прежде всего, ты мне не враг. И потом, ты еще можешь пригодиться.

Уго. Вы сами знаете, что мое дело швах.

Хёдерер. Опять двадцать пять! Ты хотел сам себе доказать, что способен действовать, и выбрал трудный путь, такой же трудный, как путь в царствие небесное. В твоём возрасте это бывает. Тебе не удалось - что это доказывает? Революции нужны не заслуги, а результат. Надо просто работать. И делать дело, на которое способен. Если оно легко идет, тем лучше. Настоящая работа - не та, что тебе дороже всего стоила, а та, что лучше удалась.

Уго. Я ни на что не способен.

Хёдерер. Ты способен писать.

Уго. Писать! Слова! Одни слова!

Хёдерер. Ну и что? Важен результат. Лучше быть хорошим журналистом, чем негодным убийцей.

Уго(колеблясь, но с некоторым доверием). Хёдерер! Когда вы были в моем возрасте...

Хёдерер. Да?

Уго. Что бы вы сделали на моем месте?

Хёдерер. Я? Я бы выстрелил. Но это не самое умное, на что я был способен. И потом, мы не одной крови.

Уго. Я бы хотел быть вашей крови, должно быть, вы всегда в своей тарелке.

Хёдерер. Ты так думаешь? (Коротко смеется.) Когда-нибудь я тебе расскажу о себе.

Уго. Когда-нибудь? (Пауза.) Хёдерер, я упустил случай и теперь знаю, что никогда не смогу выстрелить в вас, потому... потому что я к вам привязался. Но не хочу вас вводить в заблуждение: то, что я сказал вчера вечером, остается неизменным - я никогда не соглашусь с вами, никогда не буду на вашей стороне и не хочу, чтобы вы меня защищали. Ни завтра, ни в

дальнейшем.

Хёдерер. Как хочешь.

Уго. Теперь разрешите мне уйти. Хочу поразмыслить над всей этой историей.

Хёдерер. Обещай, что не наделаешь глупостей до встречи со мной.

Уго. Если вам угодно.

Хёдерер. Тогда иди. Подыши воздухом и возвращайся, когда сможешь. И не забудь, что ты мой секретарь. Пока ты меня не шлепнул или я тебя не уволил, будешь работать на меня.

Уго выходит.

Хёдерер(идет к двери). Слик!

Слик. А?

Хёдерер. У паренька неприятности. Наблюдай за ним издали и, если потребуется, не дайте ему покончить с собой. Только ненавязчиво. А если он вскоре захочет вернуться сюда, не задерживайте его на входе под предлогом доклада. Пусть входит и выходит, когда вздумается, главное – его не раздражать.

Закрывает за Сликом дверь, подходит к столу, на котором стоит плитка, наливает себе чашку кофе. Появляется Жессика, отодвинув закрывающую окно простыню.

СЦЕНА III

Жессика, Хёдерер.

Хёдерер. Опять ты, язва! Чего тебе?

Жессика. Я сидела на подоконнике и все слышала.

Хёдерер. Ну и как?

Жессика. Мне стало страшно.

Хёдерер. Могла уйти.

Жессика. Я не хотела вас бросать.

Хёдерер. Не очень бы ты мне помогла.

Жессика. Знаю. (Пауза.) Может, я могла бы заслонить вас собой и получить предназначенные вам пули.

Хёдерер. Ну и романтичная ты особа!

Жессика. Вы тоже.

Хёдерер. Что я тоже?

Жессика. Также романтичный: чтобы не унижать его, вы рисковали жизнью.

Хёдерер. Если хочешь узнать цену жизни, нужно иногда ею рисковать.

Жессика. Вы предложили ему помощь, а он не захотел ее принять, но вы не отступали, и, казалось, он вам нравится.

Хёдерер. Дальше что?

Жессика. Ничего. Просто так оно и было.

Смотрят друг на друга.

Хёдерер. Уходи! (Жессика не уходит.) Жессика, я не привык отказываться от того, что мне предлагают, и я уже полгода не прикасался к женщине. Пока ты еще можешь уйти, но через пять минут будет поздно. Слышишь? (Она недвижима.) У паренька никого на свете нет, кроме тебя, и его ждут страшные неприятности. Ему нужен кто-нибудь для поддержания духа.

Жессика. Вы можете поддержать его, а я нет. Мы только зло друг другу причиняем.

Хёдерер. Вы любите друг друга.

Жессика. Даже этого нет. Мы слишком похожи.

Пауза.

Хёдерер. Когда это случилось?

Жессика. Что?

Хёдерер(делает жест). Все это. У тебя в голове.

Жессика. Не знаю. Наверное, вчера, когда вы на меня посмотрели и были таким одиноким.

Хёдерер. Если бы я знал...

Жессика. Вы бы не пришли?

Хёдерер. Я... (Смотрит на нее, пожимает плечами. Пауза.) Боже ты мой, если у тебя невесело на душе, Слик и Леон охотно помогут тебе развеяться. Почему ты выбрала меня?

Жессика. У меня на душе спокойно, и я никого не выбирала. Мне не пришлось выбирать.

Хёдерер. Досадно. (Пауза.) Чего ты ждешь? У меня нет на тебя времени; не хочешь же ты, чтобы я опрокинул тебя на диван, а потом бросил.

Жессика. Решайте.

Хёдерер. Не мешает тебе знать...

Жессика. Ничего я не знаю, я не женщина и не девушка, я жила во сне, и мне было смешно, когда меня целовали. Теперь я здесь, перед вами, мне кажется, что я только что проснулась и что сейчас утро. Вы настоящий. Настоящий человек из плоти и крови, я вас боюсь и, кажется, по-настоящему люблю. Делайте со мной что хотите, что бы ни случилось, я вас ни в чем не упрекну.

Хёдерер. Так тебе смешно, когда тебя целуют? (Жессика смущенно опускает голову.) Скажи.

Жессика. Да.

Хёдерер. Значит, ты холодная?

Жессика. Они так говорят.

Хёдерер. А ты как думаешь?

Жессика. Не знаю.

Хёдерер. Посмотрим. (Целует ее.) Ну как?

Жессика. Мне не смешно.

Дверь открывается. Входит Уго.

СЦЕНА IV

Хёдерер, Уго, Жессика.

Уго. Вот оно что!

Хёдерер. Уго...

Уго. Не надо. (Пауза.) Вот почему вы меня пощадили. А я-то ломал себе голову – почему он не приказал своим людям убить меня или прогнать? Я говорил себе: быть не может, чтобы он был таким дураком или настолько великодушным. Теперь все прояснилось – это из-за моей жены. Тем лучше.

Жессика. Выслушай меня...

Уго. Оставь, Жессика, ни к чему. Я не сержусь и не ревную, мы все равно не любили друг друга. Но он-то, он чуть не заманил меня в западню. «Я тебе помогу стать мужчиной». Какой я дурак! Он насмеялся надо мной.

Хёдерер. Уго, даю тебе слово, что...

Уго. Да не оправдывайтесь. Наоборот, я вам признателен. Хоть однажды мне удалось привести вас в замешательство. И еще... еще... (Скачком – к письменному столу, хватает револьвер и целится в Хёдерера.) Еще вы помогли мне.

Жессика(кричит). Уго!

Уго. Видите, Хёдерер, я смотрю вам в глаза, и целюсь, и моя рука не дрожит, и мне плевать на то, что делается у вас в голове.

Хёдерер. погоди, малыш! Без глупостей! Не из-за женщины!

Уго трижды стреляет. Жессика вопит. Входят Слик и Жорж.

Дурачок. Ты все испортил.

Слик. Сволочь! (Вынимает револьвер.)

Хёдерер. Не трогайте его. (Падает в кресло.) Он стрелял из ревности.

Слик. Как это?

Хёдерер. Я спал с его девчонкой. (Пауза.) Ах как глупо. (Умирает.)

ЗАНАВЕС

Картина седьмая

В комнате Ольги.

СЦЕНА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Вначале голоса слышны в темноте, затем понемногу становится светлее.

Ольга. Так и было? Ты действительно убил его из-за Жессики?

Уго. Я... я убил его потому, что открыл дверь. Больше ничего не могу сказать. Если бы я не открыл дверь... Он обнимал Жессику, у него на подбородке был след губной помады. Как это тривиально! Я уже давно переживал трагедию. Я выстрелил, чтобы не нарушить жанра.

Ольга. Так ты не из ревности?..

Уго. Из ревности? Возможно. Но не к Жессике.

Ольга. Посмотри на меня и ответь со всей искренностью, поскольку то, что я тебя спрошу, крайне важно. Гордишься ли ты тем, что ты сделал? Берешь ли ты на себя ответственность за это? Сделал бы ты то же самое вновь?

Уго. Сделал ли я это хотя бы один раз? Не я его убил, а случай. Если бы я открыл дверь двумя минутами раньше или позже, я не застал бы их в объятиях и не выстрелил бы. (Пауза.) Я пришел ему сказать, что принимаю его помощь.

Ольга. Ясно.

Уго. По воле случая прозвучали три выстрела, как в плохих детективах. Так сложилось, а начни с «если», и получится: «Если бы я подольше пробыл под каштанами, если бы я ушел в глубь сада, если бы я вернулся к себе в пристройку...» Но какова моя роль во всем этом? Это убийство без убийцы. (Пауза.) В тюрьме я себя часто спрашивал: что бы Ольга сказала, окажись она здесь? Что бы она хотела, чтобы я думал?

Ольга(сухо). А именно?

Уго. О, я прекрасно знаю, ты бы сказала так: «Будь поскромнее, Уго. Мне нет никакого дела до твоих объяснений и побудительных причин. Мы поручили тебе убить этого человека, и ты его убил. Имеет значение только результат». Я... я не могу быть скромным, Ольга. У меня не получается отделить убийство от его побудительных причин.

Ольга. Мне так больше нравится.

Уго. Как больше нравится? Это сказала ты, Ольга? Ты, которая всегда...

Ольга. Сейчас объясню. Который час?

Уго(смотрит на наручные часы). Без двадцати двенадцать.

Ольга. Хорошо. Время есть. Что ты там говорил? Что не понимаешь того, что ты сделал.

Уго. Скорее, я слишком хорошо понимаю. Ларчик просто открывался. Видишь ли, я могу с тем же успехом сказать, если захочу, что я убил по политическим мотивам и что ярость, охватившая меня, когда я открыл дверь, была лишь незначительным толчком, который облегчил мне задачу.

Ольга(смотря на него с беспокойством). Ты так думаешь, Уго? Действительно думаешь, что выстрелил из правильных побуждений?

Уго. Ольга, я со всем согласен. Я дошел до того, что спрашиваю себя, правда ли я его убил?

Ольга. Как правда?

Уго. Может, все это комедия?

Ольга. Но ты нажал на спусковой крючок?

Уго. Да. Я действительно шевельнул пальцем. Актеры на сцене тоже шевелят пальцами. Посмотри-ка: я шевелю указательным пальцем, я в тебя целюсь. (Целится в нее правой рукой, отогнув указательный палец.) Тот же самый жест. Может, наяву меня и не было. Была только пуля. Почему ты усмехаешься?

Ольга. Это облегчает дело.

Уго. Я считал себя слишком молодым, хотел повесить себе преступление как камень на шею. И я боялся, что будет слишком тяжело. Ошибка вышла: оно легкое, страшно легкое. Ничего не весит. Посмотри на меня – я постарел, отсидел два года, расстался с Жессикой и буду влачить эту нелепую безысходную жизнь, пока твои приятели не возьмут на себя труд меня от нее избавить. Всему виной мое преступление, так ведь? А оно не имеет веса, я его не чувствую. Ни на шее, ни на плечах, ни в сердце. Оно стало моей судьбой, понимаешь, оно извне управляет моей жизнью, но оно невидимо, неосвязаемо, оно мне не принадлежит, будто смертельная болезнь, которая убивает, но не причиняет страданий. Где оно? Существует ли? Но ведь я выстрелил. Дверь отворилась... Я любил Хёдерера, Ольга. Любил больше, чем кого бы то ни было на свете. Мне нравилось его видеть и слышать, нравились его руки и лицо, и, когда я бывал с ним, все мои волнения проходили. Меня убивает не мое преступление, а его смерть. (Пауза.) Вот так. Ничего не случилось. Ничего. Я провел десять дней за городом, два года в тюрьме и не изменился – все также болтаю. Надо бы придумать для убийц какой-нибудь отличительный знак. Например, цветок мака в петлице. (Пауза.) Ладно, что решаем?

Ольга. Ты вернешься в партию.

Уго. Хорошо.

Ольга. В полночь Луи и Шарль приедут для того, чтобы тебя убить. Я им не открою. Скажу, что ты поддаешься переработке.

Уго(смеясь). Переработка! Смешное слово. Так говорят о мусоре, правда?

Ольга. Согласен?

Уго. Почему бы и нет?

Ольга. Завтра получишь указания.

Уго. Так точно.

Ольга. Уф! (Садится на стул.)

Уго. Что это ты?

Ольга. Я довольна. (Пауза.) Ты битых три часа говорил, а я все это время боялась.

Уго. Чего?

Ольга. Того, что я должна буду им сказать. Оказывается, все в порядке. Ты вернешься в наши ряды, и мы подыщем тебе настоящую мужскую работу.

Уго. Будешь помогать мне, как прежде?

Ольга. Да, Уго. Я помогу тебе.

Уго. Как я тебя люблю, Ольга. Ты не изменилась. Такая чистая, ясная. Это ты меня научила чистоте.

Ольга. Я постарела?

Уго. Нет. (Берет ее за руку.)

Ольга. Я каждый день думала о тебе.

Уго. Ольга, скажи...

Ольга. О чем ты?

Уго. Посылка была не от тебя?

Ольга. Какая посылка?

Уго. С шоколадными конфетами.

Ольга. Нет, не от меня. Но я знала, что тебе ее пошлют.

Уго. И не помешала?

Ольга. Нет.

Уго. А в глубине души что ты чувствовала?

Ольга(показывая на свои волосы). Смотри.

Уго. Что такое? Седые волосы?

Ольга. За одну ночь появились. Мы больше с тобой не расстанемся. Если будет тяжело, перетерпим вместе.

Уго(улыбаясь). Раскольников, помнишь?

Ольга(вздрагивая). Раскольников?

Уго. Это подпольная кличка, которую ты мне придумала. Эх, Ольга, забыла.

Ольга. Нет, помню.

Уго. Я опять так назовусь.

Ольга. Нет.

Уго. Почему? Мне она нравилась. Ты говорила, что мне очень подходит.

Ольга. Под этим именем ты слишком известен.

Уго. Известен? Кому?

Ольга(вдруг устало). Сколько времени?

Уго. Без пяти.

Ольга. Слушай, Уго, и не перебивай. Я должна тебе кое-что сказать. Это мелочь. Не придавай слишком большого значения. Ты... ты сначала удивись, но со временем поймешь.

Уго. О чем ты?

Ольга. Я... я так рада тому, что ты сказал по поводу того... того, что ты сделал. Если бы ты всем этим гордился или хотя бы испытывал удовлетворение, было бы гораздо сложнее.

Уго. Сложнее? Что сложнее?

Ольга. Сложнее все забыть.

Уго. Забыть? Но, Ольга...

Ольга. Уго! Ты должен забыть. Я многого у тебя не прошу, ведь ты сам сказал, что не знаешь, ни что ты сделал, ни почему ты это сделал. Ты даже не уверен в том, что убил Хёдерера. Прекрасно - ты на верном пути и нужно еще постараться. Забудь этот кошмар, не говори ни с кем на эту тему, даже со мной. Тип, убивший Хёдерера, умер. Его звали Раскольников, и он отравлен шоколадом. (Гладит его по голове.) Я придумаю тебе другую кличку.

Уго. Что случилось, Ольга?

Ольга. Политика партии переменялась. (Уго пристально смотрит на нее.) Не смотри так. Постарайся понять. Когда мы послали тебя к Хёдереру, всякая связь с СССР была прервана. Мы должны были самостоятельно определять нашу линию. Не смотри так, Уго!

Уго. Дальше.

Ольга. С тех пор связи восстановились. Прошлой зимой СССР дал нам знать, что по чисто военным соображениям желает, чтобы мы сблизились с регентом.

Уго. И вы... вы подчинились?

Ольга. Да. Мы создали подпольный комитет шести с участием членов правительства и Пентагона.

Уго. Комитет шести. И получили три голоса?

Ольга. Да. Откуда ты знаешь?

Уго. Неважно. Продолжай.

Ольга. С тех пор войска практически больше не участвовали в военных действиях. Мы спасли примерно сто тысяч человеческих жизней. Потом немцы внезапно вступили в страну.

Уго. Отлично. Полагаю, Советы также дали вам знать о своем нежелании видеть у власти одну только пролетарскую партию, указали, что это может вызвать недовольство союзников и что в этом случае вас все равно сметет восстание?

Ольга. Но...

Уго. Я все это уже слышал. Так что о Хёдерере?

Ольга. Его попытка была преждевременной, и он был не тем человеком, который в состоянии проводить подобную политику.

Уго. Значит, надо было его убрать, ясное дело. Вы, конечно, реабилитировали его память?

Ольга. Пришлось.

Уго. Война кончится – и ему поставят памятник, назовут его именем улицы во всех городах и занесут в анналы истории. Рад за него. А кто его убийца? Германский наемник?

Ольга. Уго...

Уго. Отвечай.

Ольга. Товарищи знали, что ты наш. Они не могли поверить в убийство из ревности. И мы им объяснили... что могли.

Уго. Вы солгали товарищам.

Ольга. Мы не лгали. Но... но идет война, Уго. Солдатам не говорят правды.

Уго раздражается смехом.

Ольга. Что с тобой? Уго, Уго!

Уго падает в кресло, смеясь до слез.

Уго. Все, как он говорил. В точности. Фарс какой-то!

Ольга. Уго!

Уго. погоди, Ольга, дай посмеяться. Я лет десять так не смеялся. Что за нелепое преступление, никому до него нет дела. Я не знаю, почему его совершил, а вы – как с ним быть. (Смотрит на нее.) Вы одинаковые.

Ольга. Уго, прошу тебя...

Уго. Одинаковые. Хёдерер, Луи, ты – вы одной крови. Доброй крови. Такая кровь у несгибаемых завоевателей, у вождей. Только я ошибся дверью.

Ольга. Уго, ты любил Хёдерера.

Уго. Я никогда еще не любил его так, как сейчас.

Ольга. Тогда ты должен нам помочь продолжить его дело. (Он смотрит на нее. Она отступает.) Уго!

Уго(спокойно). Не бойся, Ольга. Я ничего тебе не сделаю. Только помолчи минутку, я приведу свои мысли в порядок. Так. Значит, я подлежу переработке, но я один, голый, без моего груза. При условии, что я сменю кожу. Потерять память было бы еще лучше. А вот преступление не переработает, правда? Это была пустяковая ошибка. Долой ее, в помойку. Что до меня, я завтра же поменяю имя и назовусь Жюльеном Сорелем, Растиньяком или Мышкиным и буду работать рука об руку с пентагоновцами.

Ольга. Я могу...

Уго. Молчи, Ольга. Умоляю, ни слова. (Недолго размышляет.) Я не согласен.

Ольга. Что?!

Уго. Я не согласен работать с вами.

Ольга. Ты, значит, не понял. Они придут со своими револьверами.

Уго. Знаю. Они уже опаздывают.

Ольга. Ты не должен быть убит как собака. Ты не должен умереть ни за что ни про что! Мы будем доверять тебе, Уго. Вот увидишь, ты станешь по-настоящему нашим товарищем, ты доказал, на что ты способен...

Слышен шум подъезжающей машины.

Уго. Вот и они.

Ольга. Уго, это преступление. Партия...

Уго. Не надо громких слов, Ольга. В этой истории было слишком много громких слов и они наделали бед. (Машина проезжает.) Это не они. Я успею тебе объяснить. Послушай: я не знаю, почему я убил Хёдерера, но знаю, почему должен был его убить. Потому что он вел неправильную политику, лгал своим товарищам и разлагал партию. Если бы у меня хватило духа выстрелить, будучи наедине с ним в кабинете, он бы погиб по этим причинам, и я бы мог думать о себе самом без стыда. Мне стыдно за себя, потому что я убил его... после. А вы хотите прибавить мне стыда и изобразить дело так, будто я убил его ни за что. Ольга, то, что я думал о политике Хёдерера, остается неизменным. Когда я был в тюрьме, я считал, что вы со мной согласны, и это меня поддерживало, - теперь я знаю, что никто не разделяет моего мнения, но я его не переменяю.

Шум мотора.

Ольга. На этот раз это они. Послушай, я не могу... возьми револьвер, выйди через дверь моей комнаты и попытай счастья.

Уго(не беря револьвер). Вы сделали из Хёдерера великого человека. Но я ценил его больше, чем вы когда-либо его ценили. Если я отрекись от того, что я сделал, он будет безымянным трупом, отбросом партии. (Машина останавливается.) Убитым случайно. Убитым из-за женщины.

Ольга. Уходи.

Уго. Такой человек, как Хёдерер, не погибает случайно. Он умирает за свои идеи, за свою политику, он несет ответственность за свою смерть. Если я перед всеми возьму на себя свое преступление, если я отстою свое имя - Раскольников - и соглашусь дорого заплатить, тогда его смерть будет

Сартр Жан-Поль Грязными руками filosoff.org
достойной.

Стук в дверь.

Ольга. Уго, я...

Уго(идет к двери). Я еще не убил Хёдерера, Ольга. Пока еще не убил. Только сейчас я убью его и себя вместе с ним.

Опять стучат.

Ольга(криком). Уходите! Убирайтесь!

Уго ударом ноги открывает дверь.

Уго(кричит). Переработке не подлежит!

ЗАНАВЕС

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!